

ВРЕМЕНА ГОДА

Стихотворения и переводы

Герман
Власов

РУССКИЙ ГУЛЛИВЕР

Москва 2025

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
В58

ЦЕНТР СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Издательский проект «Русский Гулливер»

Поэтическая серия

Руководитель проекта Вадим Месяц

Фотограф ?!?!?!?!?

Власов, Герман.

В58 Времена года : стихотворения и переводы / Герман Власов. — М.: Русский Гулливер ; Центр современной литературы, 2025. — 176 с. (Поэтическая серия).

ISBN 978-5-91627-297-0

Сборник Германа Власова «Времена года» вошли стихотворения и переводы автора 2020–24-х годов. В этой книге поэт продолжает внимательные поиски гармонии, пребывая в абсолютной уверенности, что она существует и ждет его где-то неподалеку. По словам Владимира Гандельсмана в новых стихах Власова появилось больше «вслушивания в строки великих предшественников», осмысления и переосмысления собственного творчества. Поэзия для Власова — не игра слов и не война смыслов, это что-то естественное и интуитивное: «слова, которые умеют говорить и видеть», хотя «я выгорел весь и мне нечего больше сказать, но слово приходит само — с теплотой придыхания». И все это происходит потому, что «есть подземная река от москвы до иордана холодна и глубока и она течет как рана».

© Г. Власов, 2025

© Русский Гулливер, издание, 2025

© Центр современной литературы, 2025

ISBN 978-5-91627-297-0

ΠΕΡΒΟΕ

* * *

Мне кажется, стихи это хлеб.
Огромная сумеречная зона. —
со стула поднялся Глеб,
стоял у двери Иона. —

Мозаики произвол, полотно. —
И раньше нас лес был создан...
Потом приоткрыл окно
и зачерпнул свежий воздух.

Скорее, судьбоносный нектар. —
спичка высветила их лица. —
То, что мы называем дар —
элемент ускользнувший таблицы.

Рассвет, выжигавший ил
застолья, бил прямо в сердце.
Борис, добывший чернил,
помог Марине одеться.

Друзья спустились во двор —
неприбранный, полуспящий.
Арсений вёл разговор
с Иосифом о настоящем.

Я их проводил в метро,
мы шли в тумане по пояс.
Кассир, назвавшись Петром,
пустил их на первый поезд.

* * *

оттолкнись от невесомого
и на правильной скользи
на подобранной от сомова
до чюрлениса мази

от сассеты или тернера
до белинни и назад
слишком многими кручеными
тропкой ввинченную в ад

там качелей ход ритмический
шатунов полозьев скрип
эвридики лоб девический
к мутному стеклу прилип

и уже не видит зрение
бологое ли ямал
но ложится озарение
черной ниткой на эмаль

истопник неразговорчивый
встал спиной к январю
и снегирь и ангел створчатый
вострубившие зарю

ЭКЛОГА

Завидя изогнувшуюся спину
подумаю, что так сминают глину
и держат чашку дымную в руке;
гончар проводит глине по щеке
ладонью. Рядом истекает кровью
сентябрь, пока соседи чинят кровлю
и берегут уют перед приходом
дождливых дней. заметишь мимоходом —
как изменивший цвет орешник вырос,
как сарафана полосы и вырез
тебе к лицу. Грядущий выходной
быть обещает ветреным, но теплым.
Тут планов громадье и нужно топнуть:
чтоб, планы не спугнув, побыть одной.
Покинешь огород и снимешь боты,
достанешь с полки горький шоколад.
Жизнь состоит из Бога и работы,
а щеки от смущения горят.

* * *

Как солнце бывшее всегда
и времена, где нас любили,
день утекает как вода
и масло из большой бутылки.

Свет октября не уберег
себя, темнеет золотое;
и сам он больше как упрек,
где место гения — пустое.

Здесь ангел месяца разут,
унынием обезоружен:
вокруг него дожди, мазут,
листва и лужи вместо кружев.

Но как прощалось небо с ним,
с какой чайковской сильной грустью —
так белокрылый серафим
для гения из захолустья

внушает: Друг, не надо ныть,
в молчании опустим лица;
тебя бы досками закрыть
как в нашей в северной столице

в саду. Мы движемся к зиме,
нешкольный мел грозит обоим.
Ты растворяешься в земле,
её приправишь ты собою;

но, умерев, уже растешь,
ростком зерна расправишь спину.
Зима. Зимой, пока ты ждешь,
ты жив, попомни Прозерпину.

* * *

вот дерево
все выдохи его
лицом меняясь в осень пламенея
и не умея обогнать кого
собралось абрисом в аллее

верней волчком точней в плаще худом
уже души лоскутья а не кожи
но продолжает двигаться с трудом
пугать прохожих

поскольку ветер сильный и колюч
его напор бездомная собака
он ищет имя нужное и ключ
но пониманья не было однако

я капюшон надвину затяну
веревку горизонт событий сужу
я ветру в душу нет не загляну
другому пусть другому пусть послужит

как парусу на море ветряку
на суше где без голоса они же
и с черной ветки пятую строку
не оборвет но чек пустой нанижет

мне близок дом и близость дорога
а не дорога где меня не слышат
скорей бы снег и месяца рога
пар изо рта когда у кромки дышат

балкона когда кончили курить
поспешно и декабрь обжигая
ведет в тепло где снова говорить
но тема разговорная другая

* * *

Можно устроить быт в мысленном словаре —
с буквами Брута плыть, вынырнуть в январе:
где ты, весна-красна,
вызолочена, неясна?

Или, забыв букварь, азбуку ртом ловить:
Тот ли январь, как встарь, где не мог говорить?
Но от потока букв —
станешь прямой, как труп.

Нет, мне ближе сентябрь, поползень, его клюв,
гроздь калин, канделябр. Стилус, грифель мне люб.
Я пером вывожу:
Ладно, и я вожу.

Я вывожу слова — пленных, скотчем слепых:
Вот он вам, котлован, поздно участь лепить.
Выстрел — ответом страх,
крик — безотчетный взмах.

Превозмогая боль, вскользь кувырок, чебурах.
Выскачка, си бемоль, скрип воцеленных бумаг.
Видишь — скворцы пищат
гвоздями на хвостах.

Слышишь, осень идет каинами осин;
Чуешь, как правда льнет выговором мужчин.
Будто дырка в клозет,
любят они глазеть.

Да, но зачем варить в сыворотке словари?
Стекла бить и кричать, жабу с розой венчать?
Славить бандер и малют? Речь о том, что уют —
спичечный коробок,
Кладезь, клюв и лобок.

Все же, милый мне серп, строгость школьная карт —
в небе, а здесь офсет астрономии. Кант,
где ты? Прийди, изгладь
линиями тетрадь.

Красная полоса — каллиграфии сплин.
Выговор в волоса, вдумчивый пластилин.
Лучше в тепле лепить кров московских рябин.
И по капле их кровь
выдавить на Покров.

* * *

Мы прошли мужчину с горном,
с проволокой вместо ног,
слова сглатывая горлом
невесомый холодок.

Полуспиленные в парке
липы, шебурша листвою.
И старухи, будто парки,
открывали рот пустой,

черный, как асфальт. У будки
асфодели не цвели.
Ждали мы чужой попутки,
мы своей не завели,

личной. Обретая личность,
мялись, мерзли, как никто.
И цветное, как античность,
подхватило нас авто.

И водила с длинным носом
и кудрявой головой
посмотрел, и без вопросов
мы отправились домой

от Коцита и Нимфеи,
Персефоны и вина,
ибо всякого орфея
ждет в Сокольниках жена.

Узнавали город снова —
с тленьем смешанный елей;
и держали в горле слово,
от которого теплей.

слаще, проще, глубже, тоньше;
берегли, как дефицит,
твердо веруя, что больше
не переступить Коцит.

* * *

А. Т.

Он с письменной вязью говорит,
на палимпсест прищуриваясь будто,
и речь его не вязнет, но парит,
выуживая гусеницу-букву;

он окрыляет целые слова
шиповника цветением горячим —
в бутонах многоока голова,
удел паренья не знаком незрячим;

он осуждает пламени войну,
но дым ему приятен сухостоя;
еще он любит чай и тишину,
печенье юбилейное простое

в то редкое беспамятство секунд,
когда они не заняты друг другом,
когда он синим красит рыжий кунг,
войдя в закатный контражур за лугом;

волос и глаз меняется состав,
он — ангел, не умеющий обидеть —
из гусеницы бабочкою став,
слова умеют говорить и видеть.

* * *

хочешь пойдем наверх
просыпайся иди
с пятницу в четверг
где сегодня дожди
там дождей полоса
и опять голоса

крики ранних скворцов
руки поздних отцов
осени клавесин
на рябине висит

так рябит без конца
что слепит от вершин
и не видно лица
мерзлый фут за аршин
принимаясь и врозь
видишь осень и гроздь

здесь с балкона обрыв
он сегодня овраг
а назватра арык
обороток бумаг
набросал книгочей
и качает качель

ветер ветер ночной
над постелью речной

* * *

Чубушник — белый сарафан поблек, с теплицы целлофан
шуршит, как на морозе куртка.

И длинный листопада сон, тот, чей рисунок невесом,
дымок перечеркнет окурка.

Под тусклым небом октября войти, его дремоту для,
штaketника огладив спину.

По склизким листьям в тусклый двор войти, в дом
щитовой, как вор, как ветер входит в окарину.

О чем мелодия твоя, что может ветер изваять?
Возвысится волной и тонет.

Железом кровельным стучит, обидится и замолчит, тепла
не удержав ладоней.

Осенний ветер бедный Фирс сравнить бы мог с волной
о пирс, сном падчерицы, отрезвленьем,

твердящим, что спасенья нет, но солнца обернется свет
и пахнет яблоневым тленьем.

Нет, есть в отечестве пророк и жизнь, спеленута в комок
печатной желтой целлюлозы,

запахнув серой, задрожит и — пламя весело бежит
по вырванным страницам прозы.

* * *

Я не грущу о перелеске,
шуршащей листьями ходьбе,
где на закате от железки
наощупь двигался к себе;

о ватнике и дранке в стенах,
окне, веснушках на щеках —
всё видимое только сцена,
живые в ней любовь и страх.

И дверь, и желтые обои,
и в парке дева без весла,
и осень — видели такое,
чего не знает мир числа.

И от кровати шарик медный,
как в море унесенный буй,
найдя, скупое солнце медлит
и длит воздушный поцелуй.

Есть ужас в банковской купюре
где тучный профиль лысоват,
перегоревшей в абажуре
вольфрама нити в сорок ватт.

Но если гул эпохи тоньше
и вишням больше не цвести —
идти к себе немного дольше,
но больше некуда идти.

* * *

Смотрящий изнутри невидим
себе — он вышел далеко.
Он зорок — потому и беден,
как белый хлеб и молоко;
парной и теплый и пшеничный
в суть проникающий черничной.

Милейший, а скажи, Корейша
где обозначен, где лежит;
каким топонимом свежайшим
сухую прорастает жизнь
и будет голыми руками
толочь стекло и черный камень.

Смотри: с ночного этажа
вираж светящийся вопроса;
дождь безымянный ходит босо,
парит сусальный дирижабль.
Труд и часы всё перетрут,
Черкизовский замёрзший пруд.

Преображенка спит под снегом
разбита, сожжена, разъята.
Но от земли восходит к небу
овальный ангел и крылатый,
бросая удивлённый свет
на то, чего на свете нет.

Во всяком мире без войны
избыток тишины матросской;

вольно деревьям, переросшим
себя, — как флоре из каймы,
заглядывать за окоём:
тут родились мы и живём.

Здесь время не горит свечой
и ветер — бестелесный флюгер —
все время крутится и любит
над безголовой каланчой
выть: Сколь немилостлив Создатель...
Здесь твой топоним — наблюдатель.

* * *

Когда он рядом, но не хочет
опять попасться на глаза,
а ретивое — рвёт, клокочет;

как из ладони стрекоза,
вдруг выпорхнет с шафранным шумом
навстречу синеве глухой —
ты понимаешь: он не умер;
он — для тебя живой, живой...

Он мой! — ты думаешь и счастье
отметится в твоей руке,
и мира целого участием —
слеза сбегает по щеке.

Пройдя сквозь влагу удивленья,
как сквозь игольное ушко,
ты принимаешь смерть и тленье
с каким-то радостным смешком.

И начинаешь верить в чудо,
ты снова слышишь через шум:
друзья, осенняя простуда,
слова, идущие на ум.

* * *

Взять себя в кулак, разжать
и — расплакаться, влюбиться;
птицу взглядом провожать,
с птицею летящей длиться.

И на станции одной
оказаться на платформе
в будни или выходной
выросшей сосны покорней

и решительней тропы
цвета извести, суглинка.
Все мы беглые рабы
городского поединка.

Скройтесь в темные леса,
птицы, звери и народы —
первой влаги полоса
на двойном окне природы.

Так скрывайся и молчи,
сетуй, не греми вещами.
Не нашел впотьмах ключи —
разговаривай ключами.

* * *

то ли бабочкой то ли сном
или ласточкой в январе
отрок сделался невесом
он проливом па де кале
видит солнце и острых ос
и шуршанье над ним стрекоз

и подходит к дереву где
лик сияющий из дупла
лик сворачивающий тень
кружевные бубнит слова

станешь пастырем будешь муж
будешь пластырем гнойных душ
станешь раны гнева лечить
перековывая мечи
чтобы в ниве зацвел восторг
или в ниле тонул восток
и охотник упрямя и рыж
наблюдал как искренен стрижа
как сшивает кривой иглой
ветер тучу озеро зной

а еще по-русски сказал
городок твой жд вокзал
имя упражненья уму
ни к чему они ни к чему
лучше волны и сердца плёс
солнце птицы шорох стрекоз
биться правою стороною
прорасти в стороне иной

* * *

Он видит нас во сне, Он ложечкой мешает
густой настой. Почти не говорит.
Он, будто листопад, вдыхает нас, листая
и серебром звенит.

И если крепкий чай, и если нужный градус,
характер у крутого кипятка, —
просыпет Он в стакан нечаянную радость
и станет жизнь сладка.

А, если беден сбор и вкус его несносен —
скривит свой рот, отставит серебро.
Он в круглое окно оценит взглядом осень
и выплеснет в ведро.

Он — Диоклетиан, но стены дома шире
Иллирии; не просочится мышь
в дубовый кабинет и ты в его квартире
карандашом лежишь

поверх счетов, бумаг. Вот стародавний свиток,
вот с проволокой общая тетрадь.
Но если ложки нет — тобой густой напиток
возьмется размешать.

* * *

Во всей червивости предзимней
(а не свезет — и до весны)
искать полоску ярко-синей,
а то молочной белизны;

клубок из рук заснувшей парки,
чужой, берущий на испуг —
свет галогенный, белый, яркий
из арки выкатился вдруг;

и, ослеплен столпом белёсым,
застывший лотовой женой,
хоть не попавший под колёса,
но опаленный тишиной, —

присев потом за чашкой чая,
ты начал жаловаться всем —
вздыхать о снеге, как о рае,
которым вылеплен Эдем.

* * *

тебе огрызок карандашный
как опыт облака лобастый
и перистых седые пряди
по обе стороны тетради
а что случилось между ними
какая горечь целлюлозы
уже неважно ибо имя
светлее прозы

виновница всех происшествий
союза розы и ножа
привычно гладишь против шерсти
когда октябрь желт и ржав
смахнет не глядя нить седую
и свет продлится от него
вот потому и негодует
тьма не объявшая его

* * *

Сглатывая горечь и ругая
растворимый кофе — кипяток
обжигает, мама дорогая —
пальцы, губы, рыжий завиток.
Ты еще запомнишь тот глоток:
уезжай, не медли, уезжая.

Вспомнишь шум, окно без занавески,
лайнеры под сереньким дождем,
проигрыш дурной от Анны Вески,
как пробился луч один, но резкий;
заспанность, морщинок арабески.
Жили здесь, пока не рухнул дом.

Вызывают, убрана посуда,
смуглой официантке горсть монет;
паспорт, вещи. Ты стоишь покуда,
ждешь не промедления, но чуда;
веером в руке твоей билет.
Но никто не провожает, нет.

Неужели только эта горечь
с небом обожженным про режим
провожает русскую брижит,
полосою бенефис закончишь:
обрываешь с родиною связь
ободком от чашки испарясь.

Ты живешь, своей Москвы не слышишь
часовых за девять поясов;
спать ложишься, не по-детски дышишь.
Ты еще мне на стекле напишешь
буквами из вражьих голосов,
арлекином выйдешь из часов:

боль прошла, а горечь стала тише.

* * *

есть подземная река
от москвы до иордана
холодна и глубока
и она течет как рана

ножевое ли шрапнель
почти в каждом человеке
есть до киева тоннель
вырытый в девятом веке

как по тонкому по льду
лучше раной сердца к сердцу
я глаза закрыв пройду
вольно мне единоверцу

сном шелковым прилипать
на ресницы кожей к коже
это я пришел опять
спит москва и киев тоже

ΒΤΟΡΟΕ

* * *

Не бежать от изъяна,
полюбить, врачевать.
Как открытая рана —
ноутбук и тетрадь.

Этот полдень прогорклый
и хрустящий листом
возвести в поговорку
с непохожим лицом.

Глубиною притворство
в тишине не звучит.
Знать не может актерство,
пусть актер помолчит.

Пусть единственный ляжет
желтый лист у пруда
и по-своему скажет,
что упруга вода;

что, пройдя между ними,
измельчается год;
что текущее имя
превращается в лед.

Избежав повторений,
прикоснуться беды;
в череде ударений
стать прозрачней слюды.

НА КАРТИНУ КАРАВАДЖО
«ОБРАЩЕНИЕ САВЛА»

Разве имя сменивший отбросит меч,
разве реки вспять потекут?
Но, плашмя упав, забывает речь
и навис лошадиный круп.

И копыта тяжки его коня,
и грохочет: Из Тарса Савл, —
вторит: Савл, зачем ты гонишь Меня?
Это Павел, не Савл упал.

Он встает, пошатываясь, другим,
потирая плечо, ребро.
Говорит: Я Твой слуга, Господин.
Медяки раздает, серебро.

Удивлен ли был или озарен,
обращен как к морю река?
Но был взят на службу другим Царем
и ветра — несли облака.

* * *

откуда эти имена
мы были к ним глухи
мелодия права одна
так пишутся стихи

нешкольный мел немая взвесь
асфальт посеребрит
а ты живешь уже не здесь
и снег заговорит

страница выпукла в окне
плывущий силуэт
и вереница из коней
и праздник из карет

фонарик движется свечной
след желтого мазка
и в этой музыке ночной
теперь жива москва

смотри сверкает вся парит
беседует со мной
и звезды со своих орбит
глядят на шар земной

* * *

Внимательно — так тело и душа
связуемы — так след карандаша
всё явственнее на бумаге длится.
Проклёвывает кальций птичий бог
(он теплый, желтый изнутри?), итог:
пучок волос, глаза, зрачки, ресницы.

Так в комнате пустой висит портрет,
и не мигая, смотрит он на свет,
откуда и принес с собою солнце.
Ноябрь бесснежный, шум чужих машин,
хлеб, чашки, стол (сюда бы апельсин!)
Мы видим мир сквозь тусклое оконце.

Не говори, что речь твоя бедна,
что родина отсюда не видна,
внутри у нас растянутое лето,
здесь зеркалом натянута вода —
неси сюда, скорей неси сюда
все узелки на память и приметы.

Все звуки сохраняет тишина,
прозрачная на свет — вода она,
помещена на стол в графин стекольный.
Не говори, а лучше умолчи,
считая преломленные лучи —
стеклянный, оловянный, отглагольный.

* * *

Я выкрою время, в котором меня не поймут;
я угол сниму и загну в обезглавленной комнате,
где тело — не тело — но грубый и потный хомут,
и сердце — не сердце — в отверстии правильном омуты.

И сколько мне лет — я не знаю, мне нечем считать.
Пульсирует кровь — красновато ее спотыкание;
я выгорел весь и мне нечего больше сказать,
но слово приходит само — с теплотой придыхания.

О чем же, о чем закипает у губ моих речь;
и гонит, и держит, летит паутинкою узкою;
и дышит, и слышит, и бьет снеговая картечь;
осенняя горечь, присев на плече трясогузкою?

Вертаться и завися — ни тронуть ее, ни спугнуть;
стерпеть, не обидев, и тем сохранить равновесие;
по капле дождя собирается в горле как ртуть —
и сладость, и радость, и горе — с которыми весел я.

Смотри, как живое сквозь мертвую глину растет,
как чайник вскипает, стакан наполняют с заваркою
и целый букет продолжительный — гибок остёр —
растет, разрастается; виден в окошке над аркою.

* * *

В тишины угольное ушко,
смотровой и белый кабинет
можно, сняв одежду и пешком,
удивленья теплого на свет.

До смешной припухлости желёз,
до распочкованья немоты:
Кто здесь тихомолкою живёт
и разводит белые цветы?

Дует мне в затылок, добела
протирает тоненький фарфор:
Неужели ты не умерла —
сколько времени прошло с тех пор?

Сколько отшумело черных лет —
столько я ботинок исходил.
Я на белизне оставляю след,
а потом забуду, где я был.

На салфетке в уличном быстро
строчку запишу о тишине,
о тебе, о снеге на Покров.
Но опять чернил не хватит мне.

* * *

Жидкий утренний свет
через серую марлю тумана.
N, купивший билет,
свой билет достает из кармана.

И сощуренный взор
контролера его изучает.
Короток разговор.
Ритм колесный цезурой венчает

ход. Внимание на
расцветающий Северо-Запад:
всё длиннее длина
и болота отчетливей запах.

Утренние чертежи,
провода через острова плёса.
Весь рисунок дрожит,
верстовою расческой причёсан.

И сидят впереди
пассажиров влюбленных затылки,
и смелее глядишь
на подлесок, перрон и развилки.

Бродит утренний сок,
наливается цветом янтарным.
И стирается сон
от мазутных цистерн и товарных.

* * *

в Новый год не особенно ною
о лакунах в неровной судьбе
распрямлюсь и замёрзшую хвою
поднимаю на лифте к Тебе

и пока в ожидании манны
чёрен тополь в бесснежном лесу
я иду с леденцами в карманах
я игрушки девчонкам несу

в год под новый и несколько позже
в нерабочие дни января
становлюсь оживленней и тоньше
если вижу в окне снегиря

жаль что в самом конце переулка
путеводная мне не видна
потерялась в сугробе снегурка
не фигурка досада-жена

все равно веселы топотушки
непоседы нарушат покой
марципаны несущие хлопушки
будто я перигринус какой

не из олова я не из стали
всё равно маету не унять
нужен мне новогодний хрусталик
все увидеть и разом понять

стать другим поднимаясь над шумом
Рождества как на крыльях стрекоз
это Глинка а может быть Шуман
Бах Чайковский Глиэр Берлиоз

* * *

если мягок и в дымке огни
если лоб на проспекте целует
снег в сочельник когда мы одни
для одних на земле существует

существуют приметы метро
или буква его и схождение
в существо лабиринтов
хитро
перемешаны смерть и рожденья

ну а мы по проспекту скрипеть
липким снегом еще не забудем
будем петь будем внутренне петь
существами под снегом мы будем

или парой увидевшей снег
мы свидетели снега живаго
видишь как вырастает побег
как столбец испещривший бумагу

где снежинки родов имена
александр марина иосиф
говорит что неслышно зима
проросла эту мертвую осень

мы уйдем от осенней беды
от проспекта к домашнему чуду
на снегу мы оставим следы
из под рыбы домоем посуду

* * *

«Всё то, что с нами было. — Где оно?»

А. Машевский

Время бывшее истлело
как сорочка и бинты.
Спрашиваешь то и дело:
Тело бедное, где ты?

Подбородок где, ресницы,
влажный, розоватый рот.
Это две большие птицы,
это повести страницы
вырванные, их полёт

продолжает лист кленовый
над асфальтом в сентябре.
Это шляпа, галстук новый.
Остановка в серебре.

Это мир похож на глобус.
Это контурная тишь.
Это подошел автобус.
Вышел в поле и — скрипишь.

На странице невеличкой,
запятою, но в пальто.
Птичкой божьею синичкой,
но при галстукe зато.

* * *

И рот кривишь, и свету шуришься,
идя единственной прямой —
расцвеченной московской улицей
в году на длинный выходной.

Где вы, затейники с колядками;
вы, записные шулера
из переулка с тёмной аркою,
границы с совестью — вчера?

Ухватят за обшлаг ли меховой,
а то с перчаткой телефон
изымут, иль мешок с орехами
волхвы, идучи на поклон,

вручат? Мне более неведомо,
в каком пространстве год назад
идем со Старого и бедного
на Новый дорогой Арбат.

Сияет красный, синий, розовый
над обнажённой головой.
И снег, как голова философа,
белеет кучей угловой.

Еще он видим в папской шапочке,
он — бронзовый, простёрший длань.
Всё это, надевая тапочки,
пурпурную полив герань,

прочти в окне за толстой рамою
в туманном Альбионе ты:
движенье улицы — то самое
и — беглый взгляд поверх толпы.

* * *

понимаешь снег белей хамсина
потому сосчитаны следы
и виднее перья серафима
над замёрзшим озером воды

и зерно пророщенной пшеницы
слаще чечевицы в январе
и гостей торжественные лица
в круг стоят с дарами на дворе

дальше выйдя из пустыни снежной
снова будут говорить и плыть
в тишине одной большой безбрежной
как могли такое позабыть

вспомнят рощу тёплую купальню
маму папу бабушку как встарь
на тахте сидела в детской спальне
и читала вытертый тропарь

понимаешь если все мы дома
ни чумой не взяты ни войной
всё опять непрошено знакомо
мир один искрящийся живой

каждый купол вычищен и угол
луч зелёный марлевая гладь
а следы ведут тебя по кругу
даже не пытайся их считать

* * *

О зимних мальчиков снежки,
их локти и осанка.
Их щёки, разворот, прыжки;
затылок, как приманка.

Ладони красные и шарф;
как из пращи Давида,
их рукотворный белый шар
и круглая обида.

Расстёгнуты пальто, и смех
летит в квадраты окон;
и если есть чего-то сверх —
то это белый локон

над улицей. Нет, лучше мел —
он мягкий и не школьный;
и я — добыча его стрел —
не жалею, что больно.

Скорее скомкан и смущён
или взволнован даже,
что от урока отвлечён
я белизной пейзажа.

* * *

Памяти Лены Семёновой

Точка приложения сил.
Почка в мартопрель, облака.
Море, Юнге склеп, апельсин.
С рыжей коркой схожий закат.

Где была — теперь силуэт,
абрис, танцовщица, фантом,
голая смешинка, поэт.
Где сейчас — мы будем потом.

Не паром во сне, но Харон
фортку приоткроет слегка.
Смерти нет и нет похорон —
перистые есть облака.

Ничего на облаке нет,
обнажилось и — ничего.
След, инверсионный портрет.
А смотрящим вверх — каково?

Сложно ли растаять вот так,
попадая в след кучевым
и инверсионному в такт —
оставаясь гибким, живым?

ТЕСНИТ ДЫХАНИЕ

Ни боль, ни знание, но сила и магнит —
теснит дыхание и речь мою теснит.
Словесно выльется, прикажет: Отпусти.
На волю вырвется скудельной из горсти.

За далью даль, за женкой муженек.
А я на память свой оставлю перстенок.

Уныло здание, где умирал пиит —
теснит дыхание, дыхание теснит.
Ночь в январе темна, кабы еще денек!
Такие, брат, дела. Любимый перстенок
отдам на память собирателю словес.
Безделка, камень, а все легче до небес,
сложив старание, подняться одному.
А я дыхание в том камне преломлю.

* * *

это мне наложили шов
обозначив границу боли
это стало мне хорошо
хорошо будто снегу в поле

хорошо будто стал я мал
вижу сон про себя и сладкий
где повсюду хрустит крахмал
собирая пространство в складки

а внутри журчит родничок
и какая-то речь иная
утешает меня дурачок
существо моё переполняя

* * *

Ибо имя зимы широта —
дом немой, он уюта не полный —
будто в чреве плывешь ты кита
и не снег, но скрипучие волны
и побелка кругом пролита.

А поэтому ставь на плиту
поскорее большой биалетти
и попробуй, подумав о лете,
мыслью этой обжечь темноту
(как душиста она на лету).
Мы уже приложились к корням
той кофейною горечью слуха.
Слышишь, ветви стучат.

Сухо?

Сухо.

По ущельям и голым полям.
Осторожнее, не обожгись.
Тут терпенье, скорей, чем сноровка;
твердый почерк — потом гравировка
к белой чашке губами нагнись.
Проявись, Расскажи, удивись.
За окном — завируха, меловка.

* * *

Моя любовь к тебе несовременна:
на дождь и облако одновременно
похожа. Всякая любовь — есть ложь.
Берёшь кредит и знаешь — не вернёшь.

Моя любовь к тебе она — глупа.
Берётся утверждать, что я летать
дерзаю, ибо жив я и дышу.
А я о ней не говорю — пишу.

Завариваю чай, гляжу в окно
на падающий снег и новостройки;
открывшая и мне глаза о стольком,
моя любовь — со мною всё равно.

За локоть дёрнет, злится, как дитя;
прольёт варенье, спрячется за вазу.
И если с нею жить, то жить — шутя,
теряя разум, опрометью, сразу.

С ней хорошо — всегда зелёный свет,
и всё снаружи — следуя фен-шуя;
с ней никого в огромном доме нет,
когда с мороза в комнату вхожу я.

* * *

«Мне голос был...»

А.А.А.

скрипит задыхаясь мебель

в нахлынувшей тишине
как только отсюда съедем
забуду я о войне
о красном ее хоре
и частом стуке в груди
ознобе о поскорее
рассудок мой укради

от окон забитых ватой
и стынувших батарей
пока не распался атом
бежим о бежим скорей
опустим глухую штору
войдем в нагретый поток
о дай мне глоток опоры
ладонь поцелуй платок
до ставшего солью смысла
и солнца бьющего в щель
несет свои коромысла
рекою ставший ручей

бежим но бежим откуда
и обернувшись куда
я родины не забуду
соль свет облака вода

квадраты линии трубы
овалы воздух и дух
и эти волосы губы
руки замкнувшие слух

* * *

«... лишь ребячески связан...»

О. М.

Связан разве преломлением
подоконного луча
с улицей пустой. Там тление
сброшенной листвы и пение;
нет, не птицы — раньше тень её
проскользнула, не звуча.

Связан нищетой великою,
с щедростью в себя вместить
радость выпуклую; ликами —
нет, еще не стала быть.

На пороге — двери утренней
так подробна белизна,
что не я, но некий внутренний
обозначен; как весна,

говорит о смысле: дай его
пестовать, дарить, любить;
ради электрона дальнего,
проблеска его ловить;

ради общего горения,
где, в пейзаже одинок:
изумишься — не моление:
сухость в горле и — комок

речи, слово благодарности;
нет, скорей, прийти домой,
из окна где в прежней данности
ночью — ночь, трава — травой.

* * *

станция моя узловая
время обнимая словами
виден подмалевок мечты

мачта черепица заборы
вихри поднимающий скорый
ласточкой железной а ты

обречен стоять одиночкой
пригвожден к платформе и точно
гвозди по рукам и ногам

как часы зимою и летом
со своим несданным билетом
говоришь железным богам

не беда что крутится время
есть лучи входящие в темя
все мы легкой ваги рабы

люди но чудесное будет
за изнанкой быта и буден
прикуса беды хворобы

за одеждой яви из отчеств
ветошью чужих одиночеств
стены существуют затем

чтобы их узор постепенно
таял чтобы пестрая пена
знала свое место как тень

* * *

Бог нас нашел на Выходной.
Я был один. Ты мне приснилась.
И время за большой стеной
натужно собирало милость.
Тому, кто жаром метит льды,
отдали мы глоток воды.

В апреле било и текло,
но по сырой траве, на свете
ты проходила сквозь стекло,
слепя и утешая. Третьим
был виноградник золотой
от лужи пойманный стеной.

Так в землю усыхает пруд
и наполняется посуда
росинками небесных круп,
и понимаешь сам, откуда
ты полн, как парус травяной.
К закату обращен спиной,

сплошной натянутою тканью
ты твердый принимаешь вид,
что кажется, ни сталь, ни камень
тебе уже не повредит
и если смерть сожмет тебя —
ты просто выйдешь из себя.

Так дымный вспыхивает порох
и появляются на свет —
и крик, и боль, и кровь, и шорох;
так ночью у подъезда снег
одним качается массивом.
и — опускается красиво.

* * *

Звонок пролился ртутью дребезжащей...

Полухолодный, с ватманом в окне,
о, первой пары воздух полуспящий,
зимою ты подсказываешь мне —
не мёрзлый день, не ветхость занавески,
но, в насте, в обрамленье ледяном, —
всем обещаньем о грядущем блеске
(льняном и светлом, светлом и льняном) —
февральское гало...

Ты надо мною!

О как существование мало —
когда неопалимой купиною
февральское вернадское гало
стоит...

Произнесу: Твой мел нешколен:
есть — физкультурой мускул налитой;
есть — будто Лазарь из прорытых штолен,
лыжней протянут в омут золотой;
там — поднимаясь с мокрого колена,
легко скользить по розовой меже,
где в синей олимпийке баба Лена
курильщиц на десятом этаже,
хранительница-ангел горним матом:
Борись, ищи, найди, нельзя назад!
Училищем, чистилищем, домкратом —
и — на столе садится на шпагат!

Есть — пойманы сачком, как будто муха,
с портвейновым затмением у глаз,
русисты хором о свободе духа,
стреляя дурно пахнуций Пегас.

Итак, борись, ищи, не ной, не падай.
А упадешь — и округлишься в шум...

Стеклянная гудящая армада,
начало девяностых, первый гум.

* * *

Игорю Холопову
Salut, c'est encore moi.

Птица с малиновой грудкой серая,
ты прилетаешь, наверное, с Сены,
ибо утром на воскресенье
свистом приветствуешь Джо Дассена.

Ты, салютуя, искоса спрашиваешь,
как нам чумы нашествие. Скрашиваешь
не утешеньем — рифмой с Монмартра
оторопь марта.

Заревогрудая с губами острыми
(ловкость и легкость — тебе не сестры ли?),
преодолевшая расстояние
в день солнцестояния, —

быстрою будь перьекрылой музою,
чтимую со времен союза и
далее. Где фонарь поселковый,
врата с подковой, —

чур меня, чур, хворь, досада и глаз дурной! —
ре-ля-соль-фа-ре а дальше си-бемоль —
памятью, камнем, клавишею, пружиною —
жили и живы мы.

Мелос, просодия — сочных полей лоскут
от прошлогодних освобождают пут;
соединяя травы, деревья — в хор,
движут простор.

* * *

Снежок, описав дугу,
о локоть разбился твой.
Мне кажется, я смогу
дорогу найти домой;
к стекольному гимну роз
прижаться горячим лбом.
Здесь лук на окне пророс
и маковка за прудом
на зимнем солнце блестит
(о бритвенные края!).
Вся эта игра в снежки,
немая битва твоя
за право дышать и жить,
пролет пробежать скорей
и варежки просушить
меж ребрами батарей.

* * *

когда найдет меня творец
как закатившуюся брошку
всё вспомню вспыхну всё заброшу
и стану рощей наконец
там будут птицы а какой
весенний день или осенний
неважно если в воскресенье
прогуливаются толпой
орехи щелкают толкают
коляску вскидывают взор
молчат наивно обсуждают
листа дубового узор
там кто-то прячет склянку водки
платком мечтательным прикрыв
там утекают люди-лодки
изгиб реки ее обрыв
не одиноко и не тесно
плыть по течению опять
всё это дико интересно
с верхушки сосен наблюдать

ТРЕТЬЕ

* * *

Интересно — смеясь и меняясь —
отзываясь в надышанной мгле,
развивается синяя завязь —
за стеклом, под стеклом, на стекле.
И, уже надломив разделенье,
гордой пинии крону пробив,
мостовые, кирпич и коренья
ливень мочит. Дороги извив.
Босиком от воскресного с рыбой,
перейдя на ускоренный шаг,
ты попробуй по лужам запрыгать,
учащенно при том задышав.
Оба влажны и липнуще-наги,
осененны грозой. На словах
как все это доверить бумаге,
тонкий грифель при том не сломав?
А — никак: лучше в ливень весенний
надышаться небесным костром,
переждать хоть бы в этой кофейне
с чашкой доппио, слушая гром,
уходящий все выше и дальше,
исчезая вблизи Периней.
Растирай же ладони и пальцы,
взглядом делаясь жарче, длинней.

* * *

Мелованная белая сойдет
и, на угол стола поставив локоть,
я напишу, что этот новый год
устал дверьми дурных известий хлопать.
Но перышко, скрипя, свершает ход
и сквозняка прохватывает шепот.

Скрепя в чернилах знание с добром,
зоб щекоча и вызывая слезы,
мы призовем весенний первый гром,
отменим на стекле чеканку розы.
Лед вскроется, на Созь пойдет паром,
и свет, и цвет войдут в метаморфозы.

Я знаю берег, этот берег ждет,
он манит свежевызревшим магнитом.
Русалка там, богатырей обход,
ученый кот и старица с корытом.
И дед-рыбак — он бороду скребет,
не ведая, что стал он знаменитым.

Итак, от маеты до вешних вод —
борец Иаков, парусная лодка,
движение кистью, сон, двоичный код —
все это каллиграфии походка.
Щепоть созвездий сеет семена
и раздает цветенью имена.

О твердый грифель, палочка, стило,
скрипи, тверди, вычеркивай, где плохо.
Но отмечай затмения и гало;
вставай, расти, упорство и эпоха.
Мы убежали язвы и войны:
раскрой скрижали, ибо мы — не мы, —

но сгусток смысла, детская ладонь,
ноздрями шевелящий, красный конь.

* * *

преступно пробивая бересту
железо в раны вкладывать преступно
как вор цедить прозрачный на свету
нектар словесный если неотступно

в гудении весенних новых сил
во рту в ушах приток венозной крови
он вспыхивает будто керосин
и капает как дождь с железных кровель

не нарушая заданный объем
он наполняет вымысел по горло
всю комнату и мешковину в нем
в сонорных гласных в общем как не гордо

но правильно пройти наискосок
всю жизнь когда она не гать но поле
как собирать в апреле сладкий сок
и пить его и говорить не боле

СТИХИ, НАПИСАННЫЕ ВО ВРЕМЯ КАРАНТИНА

1

Было солнце и град,
был кимун маофен.
Желтый крокус, как раб,
поднимался с колен.

Я китайский пил чай,
я рубил сухостой.
Как кузнечик, сверчал
счетчик в даче пустой.

Вился дым из трубы
силуэтом тепла.
Небеса голубы,
одинокa ветла.

Вирус вычистил шум,
мысли тоньше слюды,
и приходят на ум
только птичьи следы.

Их китайский язык
удивительно прост,
если вынужден жить
в марте этом, как Фрост.

2

Просыпаясь, широко раскрыв
ретивое первому лучу,
понимаешь, уходя в отрыв:
очень захочу — и полечу.

А взамен — не плаванья урок
в воздухе, но запах пригубя, —
делаешь лучистый узелок
где-то за пределами себя.

За спиной широких этих спин,
контуром размеченного дня
из летучих долгих паутин
прялки их вращающейся для.

И, догадку положив в карман,
трешь ее, и хочется еще —
то ли бес какой тебя поймал
и осалил в сонное плечо.

Утренних волокон кровотока,
солнце в несгораемом плаще;
но молчишь на чайника свисток
и не слышишь никого вообще.

3

С досады хлопая дверьми,
ты сроду их не закрывала —
я вижу нас двоих детьми,
подняла память покрывало.

Ты в платице и босиком,
в сандалях я на босу ногу;
мы вместе говорим, о чем —
уже не слышно мне, ей-Богу.

Но твой необщий глаз разрез,
плечо, ладонь и платья вырез —
не изменил ни план, ни съезд,
ни перестройка и не вирус;

Видна порода здесь одна
и твердый выговор столицы,
и в свете дачного окна
мы — две внимательные птицы.

Быт невозможен без потерь,
Луны меняется орбита.
Уйдешь ты — и на солнце дверь
останется чуть приоткрыта.

Там будет солнце и кино,
там будет все по-детски ясно:
в апреле птицам все равно,
что в мире существует ястреб.

Есть области, где ты со мной,
как будущие листья в почке.
Свобода — длинный выходной,
кинопроектор за спиной.
И мы — в его лучистой точке.

А как мы кончимся, — кто будет говорить,
от смеха корчиться, тебе цветы дарить?
Тот сине-розовый, кто станет день вмещать, —
пожмем как воздух мы, нашарим выключа...

Нет, есть отверстие и щель, куда лучом,
нам, двум отверженным, войти своим ключом.
Теплою тенью ли, нелишнею рукой,
вплестись растением, догадливой строкой.

Косись украдкой, смотри в трюмо, как в трюм.
Такие разные, гляди, как угол юн.
Из математики туда ведет фрактал,
и мать-и-мачеха охристая, как сталь,
где мы не кончились, а перешли порог —
за гранью творчества, за смертью, между строк.

Прими смешение, как радостную весть,
дитя цветения — сейчас мы живы, здесь.

Поселок выстужен, и редкое окно
моргает. Объявления о навозе
в мешках — образчик деревенской прозе —
по тысяче. (За лист или оно

бессмертный черновик?) Черна палатка
Удачная. Здесь Даниэль Орлов
писал автограф. Местная мулатка
нам водки доставала из углов

палатки. Мы вдвоем цедили водку
на берегу искусственной реки.
Глядели, как резиновую лодку
из оной доставали рыбаки.

Но лето кончилось. Пришла зима и вирус
за ней последовал. Поселок на ветру,
в котором полторы души и минус,
что цены выросли и водкой руки тру.

6

В уголке свиристель выдувает в свисток.
Спит ольха в холодке, не краснеет восток.
Оттого и негромок восторг, оловян.
Спит большая ольха под копной одеял.
Финский домик уснувший, как бог в выходной.
Лишь витийствует ветер на гармошке губной.
Круглый стол, венский стул — не скрипят их слова.
Дремлет горка посуды по центру стола.
И блестящий стакан не гремит, не звенит.
И его пустоту не возьмусь заменить.
Оторвать от земли, от начала начал
за отсутствием сонным. Мне снится причал.
О него разбивается зыбкая ртуть.
В серой куртке матрос, розоватая грудь
с шерстяным опереньем, смешным хохолком.
Он командует серым пернатым полком,
он к губам прижимает стеклянную трель...
Свиристель говорит, что сегодня апрель.
Стеклодув говорит: свиристень, свиристень.
И зима неохотно, а прячется в тень.

Не стой растерян и в дверях
 неряхой, листопадом —
 сегодня время потерять,
 прочувствовать распадом

себя, недружную весну,
 о торопливый житель.
 В морозном воздухе блеснул
 души самоучитель.

Спеши за лезвием, спеши
 среди ледяных горошин;
 спеши, и оттепель души
 тебя не огорошит,

чтобы земля решила преть
 под небом благодатным,
 чтоб вышел из земли апрель
 и не ушел обратно.

Огонь плясал, вибрировали тени,
 как поплавок в реке (допустим — в Сене,
 в Сози, положим). Кровь была в вине,
 а в хлебе плоть. И тени на стене
 пустой плясали из открытой печки.
 Свет был потушен, дымные колечки,
 когда снаружи видеть дом счастливый,
 сдвигались вправо. Слева же, над сливой
 Венера им звезда светила ярко.
 Дул сильный ветер. Было в доме жарко.

и ночь была холодной, но весенней.
И то, что наступило Воскресенье
согласьем подтверждали молчаливым
весна, они, их дом, звезда над сливой.

Конаково, март — апрель 2020

* * *

Тлен прорастает трава апреля,
при том, что больно глазам
солнца в дверях. И синичьи трели,
всё уже рассказав,

будут назавтра смелей и гуще.
Час от часу теплей,
ибо ближе райские кущи —
кобальт. А из дверей —

облако над пустым поселком,
выстуженным и сырым.
Тлен, распутица, кривотолки —
участь всякой дыры.

Полно! На десять жизней хватит
взвешивать хтонь и стыд,
но глядишь из нее на скатерть
неба и солнцем сыт.

А метроном капли по впалым
снега серым щекам
всё говорит, что большое в малом,
что сокровище — там.

* * *

Дать прикурить и, взмахивая спичкой,
в лицо взглянуть, всмотреться и опять,
как бы ища ответа в перекличке,
чуть сгорбленную спичку задержать...

Раскуривая, дыму напуская
табачного (или какой еще),
скудельная, тебе почти чужая
расскажет убежденно, горячо,

как жил (жила?) душа, как по приметам
луг бледных асфodelей перейти,
где провела Господне это лето
без спичек и без табака почти...

Ваш диалог завяжется негромкий —
умелый, острожный, и на ты,
без дураков и вымысла — у кромки
у задушевной (так сказать) черты.

Тут бы совета выпросить, подсказки
(веди, Вергилий, говорил бы Дант),
но в памяти — полупальто, салазки,
и талый снег, и ель, и белый бант,

вкус леденца и запах корки рыжей.
Вот-вот слетит с курантов Новый год...

И ты поймешь, что воевал и выжил,
и что победа майская придет...

* * *

Она не просто была красива,
она ещё была влюблена
в весну, в шиповника запах сильный —
разлитый в воздухе вкус вина
с его танинами, земляничным
оттенком, пряным, с полынь-травой.
Таким настойчивым, что о личном
и мысли не было. И, домой
вернувшись поздно, сменивши туфли —
нет лучше всё-таки босиком —
мечтать уселась на узкой кухне.
Мечтать уселась? Зачем? О ком?
Смотри, уже выкипает чайник,
в молочном паре возник вопрос:
Что если горечь красного чая
есть послевкусие диких роз?
Наверно, так, но об этом завтра.
Сегодня — полууснувший дом,
глоток горячий, любимый автор.
А завтра — лето. Потом, потом.

ЧЕТВЕРТОЕ

* * *

протяжную влажною белою ночью
увидеть грозу и услышать воочью
кукушка вангует древесную участь
сквозь поступь дождя и сорочью трескучесть
ее кукование длится и длится
твое воркованье нам вместе не спится
но слиться на чемнибудь белом и влажном
в древесном нагретом и двухэтажном
под крышей где слышен отчетливый поезд
где редко каретка но проза и повесть
ночной голиаф не завидуй даvidу
есть проблески арф есть вода и овидий
а если к рассвету от плёса подуло
стучит о стекло воробей от катулла
латыни не зная но требуя хлеба
всю белую ночь не погашено небо
мы в белом и влажном и входят языки
в округлую речь правотой земляники
той теплой и мягкой шершавой на ощупь
и соком иосиф который и осип
той первой еще без кислинки осенней
не кончится лето марина арсений

* * *

было воздуха больше объема
простота не сказать нищета
по дороге от серого дома
я машины по пальцам считал

и влюблялся я в модельную дашку
и не взяв возвращался домой
ключ под ковриком дверь нараспашку
в мутной банке букет полевой

одинаково сиром и голо
мутро серо читай типово
начинали светиться глаголы
как цветы для меня одного

было важно паркетом не хрустнуть
я картонный парнас покорил
и на лестнице с желтым линкрустом
с наслаждением космос курил

* * *

Орех и воск, бумага и акрил
совы ушастой киканье и пенье —
всё вместе есть архангел Михаил,
немое перед ним оцепененье.

Всё вместе есть, но без налета сна,
замыленности глаза, без изъяна,
когда сосна воистину сосна,
когда закат есть ножевая рана;

а озеро до мутной глубины
к себе манит, как зеркало в прихожей,
утопленниц с вкраплениями вины,
плывущих по аллее гладкокожей,

широколистной с пеной тополей,
озвученной не ангелом губастым —
простым июнем, чья блажная лень
не движет облака из алебаstra.

* * *

«Прошу Вас, умоляю Вас...»

Бибихин

Среди плотной сочной травы,
незабудок и бересклета
одуванчик идет на вы,
чтобы стать негасимым светом.

Гуд шмелиный повис в ушах,
подпирают дальние громы.
Опериться и сделать шаг
в охру розлитую над домом,

в этот плавающий теплый мёд
золотистый привкус побега.
Кто плечом подпирает, льнет,
различает в уме победу

от суглинка сонной беды,
обращающей воздух в камень;
кто там с той стороны слюды
за большими стоит гудками;

с кем синхронно скажем алло
из раскатистой (надтреснутой) выси синей...
Свет фаворский, дуга гало,
мысли легкие абиссиний.

* * *

Край облака обвил
ночной луны овал.
Я слово уловил,
его поцеловал.

Пока оно живет
крылато на плече —
открытый слуху вход
в немую суть вещей.

Луч проникает в дом,
найдет в аптечке йод.
Растерянность кругом,
а музыка живет.

И ходишь босиком
по доскам, бормоча,
листая черный том:
Советника, врача...

Растущую луной
она включает в круг
порядок земляной
и яблони вокруг.

Идти за ней готов
уже на раз-два-три
вкус яблони плодов
и косточка внутри.

И оттого их сок
твердеет по ночам,
что есть июльский сон
и матовость плеча.

* * *

Кузнечик дорогой...

Ломоносов

синичка малая о сколь же ты смирна
ни табака не ждешь ты ни вина
но семечка
по благостным трудам
а если и не дам
что отдана ты воздуху внаем
чирикаешь на ветке о своем
сама как стих крылатый на руке
при галстукe и черном ободке
ни кровь ни пот твой глаз не замутят
тебе не страшен ад

* * *

бархатница на Е
солнцем земным согрета
будем на острие
скажем ну здравствуй лето

здравствуй губы огонь
через твое тройное
ну приложи ладонь
царственное земное

слышишь оно стучит
как колотится гулко
будь нам и зонт и щит
в темени переулка

искоса промолчи
в самом начале мира
дай отыскать ключи
дружеской от квартиры

* * *

Варе

Напомнит резная шкатулка:
не дом, а чердачный этаж;
в берете орех с переулка
берущий на абордаж.

Он с острыми лезет лучами
в окно и ломает лучи,
и запах особенный чайный
в то августа утра звучит.

Проснись, расспроси его жаркий
по-детски чарующий хмель.
На блюдечко из-под заварки
садится разбуженный шмель.

Он чем-то похож на соседа,
в такую же майку одет.
Звон слышится велосипеда
и виден велосипед.

Колени мелькают и спицы,
щебенка шуршит без конца,
и крик твоей младшей сестрицы
черты обозначит лица.

Куда указуют антенны
уедет рассветный ездок
и первый скучающий тенор
на ржавый слетит водосток.

МАЛЕНЬКАЯ ЛИПОВАЯ СЕРЕНАДА

Мне дерево ближе людей. Это липа
с коленями круглыми. В ночь на балконе —
тиха, полновесна. Скажу «терпелива»,
когда бы не липкие эти ладони.
Кора — будто круп лошадиный в тени;
цветенье — фарфоровой чашки огни
весной на зеленой клеенке.
Табачного дыма веревки.
С тобою деревья весной говорили,
а ты имена окруженью дарила.
Нарцисс, Полидевк, человек, гиацинт,
алмазное небо и тусклый Коцит.
Еще водопад, черемша, виноград;
а был еще сон, за собой уводящий
дорогою жизни в сплошной Ленинград;
и авиабомбы саднящий, щемящий,
стирающий звук прижимает к земле;
и слово (какое?) к гортани прилипло:
когда это было? Давно, в январе,
а в Летнем саду распускаются липы.
Сегодня *их либе* — намытый песок
и слово любовь это липы крылатка.
Нам скажут, что липа — не липа, мулатка;
что солнечный луч это липовый сок.
Он теплый, чуть мыльный, но, все-таки, сладко?
Ты желтую прядку откинешь со лба,
присядешь, обычный сорвешь одуванчик,
подуешь, как будто он маленький мальчик
и он разлетится от слова «волшба».

Летя, он к стеклу прижимается лбом —
во мне и в тебе,
в этой липе,
в любом.

* * *

Тонкие губы,
задающие корму
сплетням толстушек...
Всё, что не губит —
придает нам форму;
всё, что не душит,
в спину толкает,
волком глядит ли,
ставит подножку,
нас распекает,
ставит на вид ли —
всё понарошку.

Недругов славлю,
козни их, ибо
косны, двояки:
выживет Авель,
женится Иов,
первым — Иаков.
Всё, что витало,
жило наветом,
горечью, сором —
себя впитало,
стало портрета
дымкой, узором.

Так что, любимые,
славьте и громче
шаг мой и каждый:

глиною были мы,
скоро возропщем:
были однажды.
Вряд ли останется
важность и глупость,
шаги в потемках.
Что не состарится —
ясная хрупкость
в сердцах потомков.

* * *

Останутся вьетнамки на бетоне,
часы и пачка Явы. Он утонет
с большими брызгами,
а позже всплывёт.

Отфыркивая, открывая рот;
выказывая плечи и бока,
саженями осилит до буйка.

За шар большой оранжевый возьмется,
отдышится, утихнет, оглянётся
на ту, что на песчаном берегу
не скоро, но достанется врагу.

Покачиваясь в волнах без вины,
обучится, себя уже теряя,
блаженству наблюдать со стороны,
ничем картину мира не меняя.

УГОЛ

в углу куда сметали крошки
и обитали пауки
стоит наказанная крошка
и пальцы правой мнёт руки

поскольку взрослыми наказан
за оглушительный обед
ему угла вменили казнь
где лишнего движенья нет

он взрослой чёрствостью исжёван
с полоской высохшею слёз
он обездвиженный чужого
готов впустить в себя всерьёз

уже готов враждебный мститель
занять пустые три угла
когда опомнившись родитель
как бы холодная игла

его кольнула и выводит
он пасынка на белый свет
и снова радость верховодит
и счастье есть а смерти нет

и можно петь и можно топать
считать своим от а до я
весь мир но остается опыт
угольного небытия

откуда дома и на даче
один под свежестью простынь
он станет видеть чуть иначе
всё что нам кажется простым

ОКНО

с памятью слепой от страха
шарить в давешнем углу
брюки находить рубаху
уколовшись об иглу

ветошью окно в европу
насухо тереть оно
в брызги мерзлого укропа
настежь мной отворено

а снаружи в непогоду
если слякоть со двора
будет просто черным ходом
веселится детвора

на печной ольховый запах
ярко желтый птичий лик
и зачем его на запад
рослый прорубил старик

на наличники в картинках
на герань и на котят
и кривые фотоснимки
в инстаграме разместят

* * *

На Северо-Запад,
на ветер и запах;
не в Рим, не на Корфу —
к ольшаннику, к торфу.

Скорей, чем за сутки
(о скорости жутки).
Сорочья побудка,
Ахматовой будка.
А дальше — попуткой.

Краплак андулина
на лысине глины
оврагом и через.

Здесь ласточки шелест
щемящий, тревожный,
железнодорожный.
Блестящих прямые.

О как ее имя?

Сороки ли сойки?
С восходом их сколько —
синиц длиннохвостых.

А главное — воздух
спокойствием создан.

Торфяник и сосны,
дыханье и десны.
Черничник и росы.
У озера босы.

* * *

и все твои труды в полях под ориноко
стать медью из руды искрящейся под током

гудящей если ватт умноженный на кило
ты сам себе канат и сам себе стропила

ты черный грубый горн когда он остывает
ты человек он горд но совестлив бывает

смотри звенит пейзаж с порезом над картинкой
подросток карандаш взлетающий тростинкой

влечет его руда он чаще сверху слышит
другие города их флюгера и крыши

он делается остр и вровень он с грозой
он вертикальный мост нащупанный лозой

АНГЕЛЫ

не руками машут — крыльями
лучше сказать — крылами
длинными и сильными

связанные делами
видим ли мы отчаянные
какие они печальные
и тонкие будто сейчас взлетят
а пока не хотят

всё не взлетают
пока не светает

* * *

комочек а будет фигура
всё видит но не говорит
всё прочее литература
одними губами корит
язык ее заумь и возле
а звуки не то и не те
ей хочется к маме на воздух
и ползает на животе
растет теребит понимает
что в доме не только она
что белая яблоня к маю
и жимолость будет видна
зачем почему не иначе
поселок восходом двоим
откроет закроет и спрячет
с придуманным словом своим

* * *

Е. П.

Опаздывая, зная наперед
о встрече и часам уставясь в рот,
детали и приметы совмещая,
вокруг события делая круги, —
собой останься, просто будь другим,
собрания сердец не посещая.

Но, слыша как по блюдечку стучат
ногтем секунды, обходи их чат;
смотри — нависла черной саблей стрелка;
ошую, то есть слева, римской шесть —
ее сестра, клинок короткий есть;
и слышно как укроп пахучий мелко

хозяина блестящий рубит нож;
не тронь его халата и не трожь
приборов, блюд, но голоса запомнят
из залы мудрых бонз, их жен, светил —
ты сам того не зная посетил
блаженных пир в одной из дальних комнат.

Сними пальто и развяжи свой шарф.
Он серый? Синий? Посмотри — ландшафт
уже меняют, как меняют скатерть.
Уже встают, уже хвалу поют,
и ордена и ленты раздают.
Ты видел всех? Для летописи хватит.

* * *

Саше Анашкину

невероятно жалко не
поговорить пожать ли руку
в дождя набухшей тишине
переговариваться стуком

как через серое стекло
с обратной стороны напишешь
тебе и сухо и тепло
читаешь по губам не слышишь

паяцы здесь и долгопят
ковёрным клоунам поклоны
но от тебя порой летят
твои язвительные дроны

ты думал кроликов поэт
по моему еще ребенок
мазурка и кордебалет
каштаны сыплет из пеленок

и если б лопнуло стекло
блестя воздушного бассейна
то сколько б смысла утекло
и сделался бы смысл рассеян

припомни симоновский вал
такси девиц москва россия
когда бы ты не умирал
то длился воздух абиссиний

нам ноги омывал бы йод
волна нахлынув укатилась
мы б ноги вытирали об
двухцветную несовместимость

зачем грустить к чему рыдать
окутан дымкою ай петри
забвение и благодать
от нас проходят в сантиметре

* * *

выживают фантомною болью
ставят рюмку а рядом портрет
заполняют лакуну любовью
чтобы шел согревающий свет

и скрепляют мучительно звенья
от которых звенит голова
возникает натужное пенье
и на пенье ложатся слова

и уже побуждаемый ими
веселя высыхающий глаз
на стекле отчеканенный иней
где и сказано слово о нас

из воды и подзола из пепла
скрипом снежным волной голубой
человек продолжение ветра
он отзывчивый ангел с трубой

на покатои он крутится крыше
над осенним поселком парит
видит все и особенно слышит
все о чем человек говорит

* * *

В августе пешеход чаще смотрит под ноги:
что там — листва ли корень, шпалы узкоколейки
если заметит гриб — много грибов находит.
Переползет тропу пестрым узором змейка.

В август фоном звучит, соседней дорожкой память —
первый ли снег, пушок над губою, юность,
детство ли отрочество, укором — могильный камень.
Или — крымский песок, моря лазурь и южность,

вольность, ветер, гроза. Нет для стихии закона.
Август — время сводить переводные картинки,
слайды смотреть на свет. Так игла патефона
силится вспомнить ей сыгранные пластинки;

редко, но воскресить: волны, их шум песочный
принесут гребешок — профиль Милены, Пленеры.
Все-таки, море лучше трубы водосточной,
мебели полировки, где поверх нее сувениры.

РУСАЛКА

Отчего ты сегодня скрытная? —
Оттого что плавала с рыбами,
Целовалась с большими тенями
И речные рвала растения.

Отчего ты сегодня тихая? —
Слишком громко часы мне тикали,
Бой их был как напоминания
И хрипели они названия

Позабытой наутро местности.
Узнаешь ли сейчас окрестности:
Речки узкой кувшинки желтые,
Чья вода каждый вечер шелкова?

И чешуйки, что в толще прячутся
Водяной, не твое ли платье,
А луна, что в ней отражается,
Уж не пояс ли твой, красавица?

А сама ты, бледная, жалкая,
Говори скорей, не русалка ли?
И зачем белизной ли голосом
Привела на купанье молодца?

* * *

найти утешение в ветре
из милой глухой старины
взволнованном шелке и фетре
где кажется мы рождены

и тайно блеснула надежда
и в белом стоял Серафим
поэтому ветхой одежды
нет нет а изнанку храним

да здравствует глянec посуды
трюмо и хромой табурет
мы родом из самого чуда
которого кажется нет

но что утешало манило
в июне макушку пекло
где ягода наша малина
секретик цветное стекло

армада ли книжная полка
нависла и хочет упасть
и сам я из детства осколок
найду ли ответную часть

* * *

я говорю о затухании
окружном о накале взора
о ясности благоухании
о ледяном

и что позора
не избежать когда не вынырнешь
из духоты где угореть и
когда во двор подростком выбежишь
и гладит ветер

лицо еще лицо и волосы
когда к себе и миру жалость
арктической охватит полостью
и вдруг обрадовала малость

какое то пальто мелькнувшее
учтивость капюшон прохожего
тебе и верное и нужное
внутри похожее

тогда и поднимаешь голову
глядишь поверх и без укора
знакомым называя голосом
что будет скоро

* * *

Было время без вины —
длинное, прямое, зрячее.
Было время — влюблены
в нас прямоходящие

были. Лазили под стол
пахнувший и праздничный.
И никто не скажет стоп,
не докажет разницу

между запертым окном
и листы смещением,
между ветром и стеклом,
проблесками, тенями.

Выросли? Наверно, нет —
тусклым освещением
стало и большой портрет
вынесли из помещения.

Там в одно из первых утр
остывало творчество.
Белый одуванчик мудр —
так что дуть не хочется.

Он в руке твоей застыл,
будто кончик света он,
будто сам его лепил,
выдумать советовал.

* * *

Широко, так что видно пороги-
шагомеры; и горлом глотки
сосчитают, как медленно ноги
поднимаются; как ободки
у перил деревянные гладки...

Широко, потому что темно
и от эркера на площадке
вполовину забито окно...

И — на ощупь рукой-невеличкой
за вилюшку перила держась,
медных ручек, звонков и табличек
начинаешь улавливать связь...

Мне на пятый, мне в сорок вторую
на Высокой квартиру и год,
где без карточек и не воруют,
где культурный мой кодекс и код.
Карандаш где химический вывел
«Два звонка» и «Бойкова Н.Т.»
Где не знают за плюшевый вымпел
ни путевок и ни СНТ,
но стальная где жёсткая воля
над громадой шестою земли,
где письмо не приносят от Коли, —
там на цыпочки встань и замри.

Прочитай по слогам и врасстяжку
круговое «Прошу повернуть»,
и одну в треугольник бумажку
сочини и попробуй вернуть.

* * *

запахнет одеколоном
откуда он здесь и как
мальчишка большеголовый
с веснушками на щеках

по лужам орлёнок синий
он гонит почти без рук
качели сестра разиня
умеет считать до двух

до трех четырех не больше
самой не больше пяти
там были джинсы из польши
и очереди не пройти

муку истончало сито
шипучка и дымный плов
и зита была и гита
отксеренный гумилёв

листали ночью в постели
незнающие о войне
и родинки были на теле
особенно на спине

гадали любит не любит
вершили нехитрый труд
там жили большие люди
теперь они не живут

ровестники их могилы
верона горловка кипр
но запах остался гиблый
флакончик зеленый шипр

* * *

солнце любит издалека
гладит мысленно твою кожу
лето яблоко чьи бока
уезжая грызет прохожий

зубы белый кусают плод
вкус осеннего урожая
съел на рельсы швырнёт и вот
поздней ласточкой уезжает

ну и что ж на спине огни
Т с фонариком негорящим
осень это когда одни
и наскучил природы ящик

то есть дятел слегка бубнит
возмущая синклит синичий
доминантой жд магнит
перелетов гудящих птичьих

отряхни свои волоса
от жары и лёгкого зноя
осень редкая полоса
переход от жары к покою

и обратно наискосок
южной северной кромки улиц
ты как море влажный песок
продолжаешь гладить волнуясь

* * *

ты хочешь очистить корзину
не трогай ее отложи
там снег удивительно зимний
и строятся этажи

явление там дед мороза
там рядом с тобой под хмельком
друзья там советская проза
с недолгим увы огоньком

всё скачано сложено сжато
за тридцать наверно годков
там лик бабы леры пузатой
там жирик лужок и тальков

зачем они были не знаю
и чем я сегодня живу
ищу сохраняю сминаю
как дурень газету жую

а так чтоб чеканные мысли
хранились в живом холодке
ну что же корзину очисти
мы будем идти налегке

* * *

услыхать ли услышать
как торопится дождь
пробежаться по крыше
повторяясь точь в точь

в каплевидных солдатах
в берцах их неземных
громогласным раскатом
слышишь гонит он их

ах последние сроки
свежестрижен газон
и притихли сороки
и залитый балкон

скоро ль гравий дорожек
при луне заблестит
и единственный ежик
выйдет прошелестит

МОЙ ЮГО-ЗАПАД

1

Если что и осталось,
помня солнечный миг, —
это — полнок усталость
от открыток и книг;

это — коврик настенный,
пыльным зреньем вперясь,
знает, были мы с кем и
их недолгую связь

с вечным кухонно-летним:
стол, накрошенный хлеб;
дом и сам мимолётен,
от прозрений ослеп.

Он — почти уже абрис,
ветхий лист, силуэт,
крылья бабочки, лакмус,
нота солнечных лет.

Знаю, дверь приоткроет,
полувида кому,
и — дыхание смает
в синеглазую тьму.

Это — листья дышат кожей,
это — Тропарёвский парк.

Не ищи его, прохожий,
между листьев, между парт,
карт настенных, мела, света
длинных белых ламп, стекла.

Это — лето neodeto,
и в прихожей натекла
ты с зонта и чуть промокла —
шея, плечи, грудь, лицо.

Это — разом грянет в окна
оглушительным свинцом.

Но в спасительном квадрате
кухни чаю будешь пить,
и в одолженном халате
начинаешь говорить

о знакомых, незнакомых,
летних, будничных, живых.

Это — рядом бестолоково
я почти что твой жених.

Жили не тужили, ворожили нам
столбик легкой пыли,
чад нагретых ламп
от страниц скрипучих
с ятями от книг:
это ли не случай
в книгах видеть нимб?
Или речи части
собирать в слова,
краткие, как счастье,
злые, как молва.

Веселись, старанье,
до утра не спи,
в самом замиранье
жить, дышать и пить,
быть всему ответом,
когда все глухи,
лучше влажным летом
пишутся стихи.

УЛИЦА

Набухла, хмурится и спрятала лицо,
не замечания птиц и тёплый ветер —
живой сквозняк. Бульварное кольцо
с *морозным* переходят дети.

Еще троллейбус, проводов пучки
(потом обрежут перспективы ради),
зелёный пешеходам, их значки,
береты, обувь и тетради.

Еще — щемящий запах смоляной —
прозрачен невод, он из тины соткан.
От зоопарка полчаса домой,
когда бы не высоты

косая тень. Но и в её тени
головокружит прозябанье.
Пылают щеки, движутся огни,
от здания перебегая к зданью.

Но вот загрохотало, началось.
Намокшие носки, ковбойки, платья —
небесная летит на землю ось,
Москва, в твои объятья.

Пакеты, папки, зонтики в цене —
над жителями вскинуты твоими.
В шкафу стеклянном милиционер
парит над ними.

Намокшие, живые — не толпа
(дождь обозначит лоб, ключицы, спину)
и на скамейке Мухиной стакан —
с водой наполовину.

ПЕРЕВОДЫ

С немецкого

Иоганн Вольфганг фон Гёте

Из романа «Годы учения Вильгельма Мейстера»

АРФИСТ

Кто одиночеством томим,
Ах! будет не у дел;
Один живет, другой любим, —
Его ж страдать удел.
Живи со мной, моя тоска!
Ах, если бы я смог
Единственной стать колоска, —
То не был одинок.

Любовник в чуткой тишине
К любви ревнивым стал —
Так в сумерках и днем ко мне
Страданья идеал
Крадется. Мука — одному.
Ах! И всему есть срок:
Когда в могилу загляну —
останусь одинок!

ПЕСНЬ АРФИСТА

Робко к двери прислониться
И тихонько выжидать,
Праведный не поскупится,
Я ж пойду себе опять.
Каждый счастлив в одиночку.

Если встречусь я ему,
Хоть слезы увижу точку —
Не пойму я почему.

ГИНКГО БИЛОБА

Это дерево с Востока.
Листьями украсив сад,
Дарит знатоку высокий,
Редкий духа аромат.

В нем ли существо живое,
Надвое разделено,
Что как родственные двое,
Цельным сделалось оно?

На такой вопрос ответы
Я нашел, и
мы споём,
Зная из моих куплетов:
Мы — и порознь, и двоём?

В ПОЛНОЧНЫЙ ЧАС

В полночный час, когда я шёл, рассеян,
Через церковный двор еще малец
Домой к отцу-священнику, — усеян
Был купол звездами, сиял он, как венец;
В полночный час.

Когда ж, забредши в жизненные дали,
На зов любви готов был повернуть, —

Мне сполохи созвездья затмевали,
А я всё шёл, восторг мне ширил грудь;
В полночный час.

И, вот теперь, когда при свете полной
Луны я начал видеть в глубине, —
Послушно мысли с быстротою молний
Вчера и завтра обнажили мне;
В полночный час.

* * *

Ушел бы я так далеко, далёко,
Земные не преграда мне границы,
Но держит свет меня звезды высокой:
Твоя судьба с моей соединиться
На ней смогла; в душе твоей глубокой
Себя я вижу и виденье длится.
Мечты, стихи — всё, чем могу я быть —
Нанизаны на жизнь твою, как нить.

Из Райнера Марии Рильке

ОСЕННИЙ ДЕНЬ

Пора, Господь, и лету отдыхать.
На циферблат в саду косые тени
набрось; и ветерку по сениям
вели ступать.

Вели налиться всем своим плодам,
даруй им два денька еще погожих,
загар внуши и спелость тонкокожим;
и сладостью твоей смягчи агдам.

Кто без жилья, уж не возводит дом.
Кто одинок, тот при свечном огарке
устанет бодрствовать, читать, ругать помарки
в письме — и беспокоиться при том,
когда зашелестит листвою в парке.

С английского

Мэри Элизабет Фрай

* * *

Не плачь, не стой у скорбных плит.
Меня здесь нет, мой дух не спит.
Я сотней ветерков лечу,
Я на снегу блестеть хочу.
На спелой ржи я солнца луч,
Я — дождик из осенних туч.
А встанешь утром в тишине,
Увидишь птиц, — они во мне
Кругами улетают в высь.
Я — звезды, что в ночи зажглись.
Не плачь, на кладбище не стой,
Нет смерти, если я с тобой...

Джон Эдвард Уильямс

ОДА ЕДИНСТВЕННОЙ ДЕВУШКЕ

Как часто я встречал тебя по свету —
В кино, метро, в толпе; под проливной
с улыбкой в дождь и слякотной зимой,
с глазами сотен лиц любого цвета;
Волос оттенок рыжий был, ночной, —
Коротких, длинных — бронзовый, льняной.

Вмиг полюбив, не смог раскрыть и рта;
Сменился свет, проехал грузовик,
Дверь хлопнула — в отместку в тот же миг
Исчезла ты — исчезла красота.

Единая во всем, как часто я
Встречал тебя, но больше встреч с тобой
Ждет в будущем — в горах, в глуши лесной,
На людной улице, на берегу ручья;
Когда и где — узнать нам не дано,
Свою любовь узнать нам не дано.

БЛАГОСЛОВЕНИЕ ВОЗДУХА

В каждом присутствии есть отсутствие.

Когда мы вместе, пробелы между нами
Грозятся оградить наши тела
И обособить души.

Зеркало отражает то, чем мы не являемся,
Интересно, что будет, если наша пара
Заподозрит роковое ложное толкование
Оригинала,
Не говоря уже о жутковатом подтексте.
Реальность, опасаемся мы, потешается над внешним видом.
Или же заперта в зеркальном зале,
Где бесконечный регресс препятствует
Благодатному исходу. Иными словами,
Нам не дано понять, в чем смысл
Бытия двух-в-одном,
И возможно ли быть одним-в-двух.
То-Что-Я-Есть печалуется о Том-Чем-Я-Не-Являюсь.
То-Чем-Мы-Должны-Быть, сковано Тем-Что-Мы-Есть.

Да, я играю в словесные игры
С самой идеей брака,
Размышляя о том, а допустима ли вообще
Секуляризация Священного союза.
Или, если представить с другой стороны,
Интересуюсь, отчего два телевизора
Под одной крышей служат явным указанием
На разлад в семье.

И, все же, сейчас ты присутствуешь рядом со мной.
Я живо ощущаю, как ты хлопочешь по дому:
Согнувшись и покраснев лицом, тянешься
К последнему дерзкому желтому пятнышку
На этом страшном кухонном гарнитуре.
Твои медовые волосы испачканы краской;
Твои большие, мягкие закрытые груди
Выпирают из-под рубашки.
А полушария ягодиц
Изогнуты в неприступные бедра.

Обнять тебя — все равно, что ухватить
Самую суть моей жизни.

Скажу без лишней лирики:
Если бы мне пришлось разобрать себя на части
И раскидать их наугад, —
Они бы собрались
В твою форму.
Хотя, думаю, это и есть лирика;
Попытка втиснуть два тела

В одно пространство —
Старая мистификация.

Аминь!

Наше разделение преподнесло мне следующий урок:
Пребывая в сознании,
Материальность партнеров
Обладает духовной массой,
Выраженной такой формулой:
Память умножает желание на расстояние,
Направляя тело вперед.
Таким способом я проецирую
В мертвое пространство между нами
Коронный разряд, вызываю языковые Пульсации,
Которые пробьются к тебе
В прохладе сна
С бестелесностью
Столь неистовой, что оставят свою влагу
На утренних простынях;
Или же — с такой нежностью,
Что повеют тебе на лоб,
Пока ты красишь кухню.

Тело, подобно дыханию,
шепчет аксиому,
Каковой наделены все религии:

В каждом отсутствии есть присутствие.

Благо
Благо
Благословение.

С белорусского

Лариса Гениуш

КОВЕР

На склоне лет,
когда от тягот впору
забыться сном
о молодой поре,
я вспоминаю дивные узоры
и ромбики
на мамином ковре.

Узор поет на поле пряжи белой,
в квадратах лента гладкая бежит.
Как подгадать, как выдумать сумела
ручной ковер,
чтоб так заморозить?

Так осторожно, медленно ступая,
на мел основы цветопись легла;
на том ковре — от края и до края —
жизнь человечья выткана была:

квадраты дней трудом покрыты гибким,
меж ними — солнца золотой просвет.
Так бережно, без права на ошибку, —
чтоб жизнь моя шла по нему
след в след.

Людка Сильнова

ШЕСТОЙ ВАГОН

Прощай, мой пятый вагон!
Какой же недолгий у жизни поезд!
Один еще перегон —
И буду в шестом я всецело, то есть —

В каких-то свистульках, гармошках и с бубном,
Кажется, детским, в левой руке...
Все пассажиры спят беспробудно,
Впрочем, наверно, не все.

Пусть им! На первую лавку
Сяду и посижу.
Деньги? Признание? Славу?
Что я ищу? Не скажу.

Мой долгожданный шестой.
Сонный ты мой вагон!
Пусть не артисткой — простой
Бабой уткнуться лбом

В стекло, поправить платочек
И, обернувшись назад,
Найти у мужа кусочек
Сдобы. За руку взять

Его. Обнимая, ехать —
И греться, и на груди
Забиться, будто бы эхом,
Молитвой тех, кто в пути...

СЕВЕРНЫЙ ВЕТЕР

Северный дует
что было сил!
Он мне не страшен:
скорее, мил.

Плащик срывает,
зонт унесен...
Я не в обиде:
ветер влюблен!

Не заслоняюсь —
дурею,
Верю,
что не заболею;

Ветру я шею
открыла:
— Ну же, целуй меня,
милый!

Андрей Хаданович

ЛАСТОЧКИ

Ласточки тучи на небе обмётывают,
Ласточки в небе мелкими работают.

Ветер проводит заботливо ластиком,
туч поправляет наброски и ласточек.

Твердь из Михалишек в Хойники катится.
Ласточки в небе игривые прячутся.

Зорко ли прятки следишь... что с того?
Вот их четыре... вот две... никого.

* * *

Вечер такой хороший,
ах молодая пьянь.
Час — не считаем гроши,
сутки итожим — дрянь.

Боженька сердобольный
в небе сменил дизайн.
Чудно слоняться вольным,
скверно, если дедлайн.

Вспыхнут цвета каштанов,
прелести у святых.
Славно, что бьют фонтаны,
скверно, когда под дых.

Весь в щетине бугристой
вылезешь на кольцо.
Чудно: семинаристы
не узнают в лицо.

Мысли — сверхзвуковое,
глупонемое кино.
Классно, что без конвоя,
все дедлайны — говно.

Этот фильм шедевральный,
там в конце хэппи-стиш.
До своего дедлайна
ты дотянешь, малыш.

ДЕТАЛИ

Когда, зацепив, говорили не «упс», — «извините»,
читали бумажные книги, да просто читали, —
поэт был пиратом и флаг развевался в зените.
Не помню, чей был это флаг, — это детали.

Когда вековые деревья срастались под небом, —
таким бескорыстным ты был, — все тобой помыкали;
и, свет погасив, говорили все девы: «Ну, где вы?»
Которые девы — не вспомню, — это детали.

Вина океаны вливались в гортань романтизма;
ты всё выпивал, был герой из гранита и стали...
Сегодня детали посыпались из организма.
Не помню, какие детали, — это детали.

Мария Мартысевич

СОВМЕСТНОЕ ПРЕБЫВАНИЕ

Когда выписали соседку по родам
с маленькой Юлечкой,
на их место никого не поступило.
Койка вторая осталась пустой.
И тут мне подумалось,
это к нам подселили Богородицу,
чтоб мы не остались одни,
чтоб показывала, как качать и пеленать,
чтобы поддерживала советами.
Не знаю, правда, какую: Жировичскую, Иверскую
или Милостивою с горы Киккос:
сестричка говорит, они все «наши».
А в пятницу
Все отделение осталось пустым:
всем, кому было можно,
оформили выписку.
Говорят, другой роддом поставили на ремонт,
рожениц оттуда будут принимать в этом.
А, я думаю, так говорят для отвода глаз
и это все — Богородицы.
Обособленные от мира,
не покидают палат,
склонились над колыбельками из пластика.
У Ченстохонской болят швы;
Троеручице удобней сцеживаться;
Угрешская сладить не может с младенцем,

бегают на пост за докормом;
Неопалимая Купина пронесла в больницу кипяtilьник;
Владимирская не спускает ребенка с рук, выгоняет
газики;
у Корсунской отошли воды по дороге в Полоцк.
Утолительница печалей внимательно рассматривает
белую пеленку с казенной печатью:
знает, что плащаница
будет из той же самой ткани.

Югася Каляда

Я ЕЛА СНЕГ

Я ела снег — невзаправду, во сне;
он таял и таял во мне:
уличный круто просоленный снег,
грязный снег на окне;

снег мандариновый у фонаря;
с обочин — будто с вершин;
и перепаханный снег января
шумным движеньем машин;

снег, что огонь и салют кровят,
девственный — шелка лоскут,
снег, как на землю ответный взгляд,
тот, которого ждут.

Талый, с песком и окурками снег
Киевским спуском стекал,
он по ступеням бежал ко мне.
Я ела снег, я — река.

* * *

Сводит на нет тишину без остатка
утра грохочущая лихорадка
бойких молекул подробным движеньем,
их обязательным мельтешеньем.

Город гремит требухой дворовой,
крышей чешуйчатой, мокрой дорогой,
по переулку забором дощатым,
шрамами, самолетною ватой,

слякотью черной крутого замеса,
лесом за трассой; и виден за лесом
город другой, он по-прежнему болен
круговращеньем бессмысленным. В коем

разум единственно даст тебе фору
собственной ткани выкраивать форму,
Стикс переплыть и вернуться обратно...
Что меня держит? Любовь, вероятно.

* * *

По правде сказать, этот город не стоит любви.
В потемках, в их горьком, фонарном, разбавленном свете.
Торчат симметрично высотки — и обе рябы,
И слишком сговорчив тебе уступающий ветер.

Но, вдруг осмелев, он заходит с другого угла,
Залепит пощечину в приступе нежно-высоком.
И вот благодарность твоя по щеке потекла,
И ты прикрываешь ладонью горящую щеку.

Преводы с украинского

Игорь Рымарук

A LA VILLON

1

Так и живешь — ни дома, ни ключа,
Не капают ни слезы, ни свеча.
Смеркается и на задворках тучи.
Земля, как стул, из-под ноги бежит.

На улице апрельский снег лежит, —
Глотай его. Что кактус твой колючий,
Белёсый, с моложавой сединой,
Выспрашивай паромщика и ной,

Вымаливай, проси покоя, охай.
В Днепре глубоком, где кромешен ил,
Утопленник-старик слезу пустил,
И Водяной, которому всё по...

2

На небе будут с бельмами века,
Мимозы, наподобие песка,
Осыпятся, как будто при раскопках.
Но даром под землей гробы лежат:

Ненайденный тобою тайный клад
В последних не указан гороскопах.
Всё позабудь — планет бездумный лад,
Виденья пирамид и анфилад,

Как книга пожелтевшая, эпоху...
И вечный эпос, где на фоне плах
Есть всадники на клячах и ослах,
И рифмоплет, которому всё по...

3

Приют всегда найдется для двоих:
Их носит Бог в кармане брюк своих,
А что карман с дырою — позабудет.
А, может, так задумал — ибо вниз,

К лесам, цветам летят под видом птиц
Блаженных опечаленные люди.
Так усмири же ветхий свой испуг,
Встречай рассвет, щенка корми из рук,

И Смерти не буди любовным вздохом —
С высот, куда глазам не прорасти,
Взирает ибо (Господи прости)
Предряхлый Бог, которому всё по...

Борис Олейник

* * *

Лето бабье — над Полтавою.
А в Санжарах — листопад.
Ах, твоей я стал забавою,
тенью — как поднимешь взгляд!

Все бегу, лишь искры острые
Сапогами сбитых лет...
Ах, зачем мне речкой Ворсклою
завязала белый свет?

Ведь не камень я, не дерево.
Так доколе ж, отвечай:
Мы — одной реки два берега,
(разделившими) меж которыми печаль?

Я бы к сердцу голубиному
мост построил в тишине,
Только Ворсклою любимая
Очи повязала мне.

Василий Голобородько

СРАВНЕНИЯ — ПРЕВРАЩЕНИЯ

Птичке, матери детей своих не хочется
не то, чтобы кто таскал ее яйца, —
а даже их трогал,
а даже смотрел на них,
а даже знал, где они лежат,
а даже, что они у нее есть.

А я знаю теперь, что они у нее есть,
хоть и узнал — проведал — о том почти
случайно,
и я теперь знаю, что лежат они вон в том
гнездышке,
высоком гнездышке,
не в том, что находится высоко на дереве,
нет, само гнездо высоко, гнездо на гнезде,
так, будто каждый год птичка строила новое
гнездо на старом, и я даже не то, что смотрю —
любуюсь на них,
и я не то, что их трогаю, —
но восхищаюсь их совершенной формой,
я даже беру одно яйцо в руки, сначала хотел два,
потом передумал,
ведь полное впечатление о красоте птичьего яйца
дает и одно яйцо, два или более того впечатлений
ничего нового не дадут, кроме знания о числе,
удвоении такой
совершенной красоты.

Рассматриваю, глаз не могу отвести от такой
красоты, от птичьего яйца на ладони:
маленькое яйцо, в мелких крапинках, но не на белом,
а на светло-рыжеватом фоне,
не нахожу, с чем это можно сравнить, разве
с тобой, вижу теперь, как вы друг с другом схожи:
круглое яйцо такого окраса и твое
лицо, и даже не одно лицо, но через лицо — вся ты!

Возвращаю яйцо на прежнее место — кладу его
в это высокое гнездо: забываю думать о том,
что у птички есть яйца,
забываю думать о том, где они лежат,
перестану на них смотреть, не стану их трогать,
больше не держу в руке это птичье яйцо.

Оглянусь, отходя от высокого гнезда, впервые
увиджу тебя на той опушке не больше
листика,
листочком зазеленеешь на крайней ветке,
еще раз оглянусь — больше тебя не увижу,
головой верчу — и ты уже пропала,
ведь нет у меня в руках того,
с чем бы мог тебя сравнить.

ПЛАВАНЬЕ В ЛОДКЕ

Рассказываю тебе — уже в который раз — про озеро,
и как я по нему плаваю в лодке,
ты говоришь, что нет красивее слов,
какие только слышала от меня,
просишь рассказать про мои плаванья
еще и еще.

Вот медленно плыву я в лодке,
воду подворачиваю ивовым весёлком
(эврика:
плавать-не-плавать в лодке — символ со значением
«быть тем, кто держится на поверхности,
не опускаясь на глубину, до дна»).

А там, на дне
цветные рыбешки, что твои сережки,
цветные камушки, что твое монисто,
цветные водоросли, что твои ленты,
но я их не вижу,
хоть и знаю, что все они там,
на недостижимой для взгляда глубине.

Вот я и дальше плыву в лодке,
воду подворачиваю ивовым весёлком,
лодка моя задевает бортами
расцветшие белые кувшинки
(эврика: расцветшие белые кувшинки-не-кувшинки —
символ со значением
«быть тем, кто держит лепестки вместе веночком»).

С грузинского

Шота Иаташвили

ЛАСТИК

Темо Джавахишвили

*

Куда лучше попасть в руки художника,
чем в когти писателя:
все же линия — она везде линия,
а я, своей всклокоченной головой,
стирая верно или неверно проведенный штрих,
так и не вникал бы в замысел.
Когда же писатель,
отложив карандаш,
берет меня
и принимается за новорожденные строки —
плоть мою пронизывает страх.
Всякое слово я чувствую кожей, и меня трясет.
А бывает и так, что я веселюсь,
истребляя
те или иные слова, а то и целые предложения.
Впрочем, по большей части я горюю:
у меня начинается депрессия,
мною овладевает комплекс вины.

*

«...Господи, аз яко ластик согреших,
Ты же яко Бог щедр,
помилуй мя, видя немощь души моя...»¹

¹ Из молитвы Иоанна Златоуста. Слово «человек» заменено на «ластик».

Сегодня, к примеру,
семижды стер Твое Высокое Имя и
вместе с собственной перхотью,
аки грязь,
отбросил.

*

Карандаш, после моего покаяния,
ночью поздней, в ящике Хозяина,
когда мы улеглись рядом,
меня утешил:
— Шесть раз из семи
Имя Господа упоминалось в отрицательном контексте,
и поступок твой не был дурным...
Мне полегчало...
Однако доколе
сносить мне такую жизнь?

*

Похоже, я спасен!
Хозяин подарил меня другу-художнику.
Что может сравниться с безмятежной старостью?
Буду равнодушно стирать штрихи.
Прощай, уныние!

*

Сегодня новый приятель-карандаш рассказал,
кто мой новый Хозяин,
и я опять был огорошен!

О,
лучше б я кончил свои дни,
вымарывая бледные опусы безвестного графомана!
Но что мне делать сейчас
в руках гения-художника,
как поступить?
Смею ли я, смерд,
свести на нет
эти вдохновенные контуры?

*

Надеждой единственной живу:
если он и впрямь гений —
по ошибке ничего не сотрет!

*

Все-таки стер!
Сошел с ума и стер!

*

«...Помилуй меня, Боже, по великой милости Твоей,
и не воздай мне по делам моим; но обрати, поддержи,
освободи душу мою от умножающихся в ней злых дел и
ужасно-нечистых представлений...»²

² Из молитвы Симеона Метафраста.

*

За холсты закатившись, пылящиеся у стены,
три года уже прозябаю во мраке.
Никто меня не ищет, а я
все никак не умру.
Беспрерывно молюсь,
неустанно каюсь в содеянных грехах...

*

Почему я здесь?
Это рай или только видимость?
Данте, Шагал, Пикассо и Галактион
повздорили из-за меня.
Любя, по-свойски, манерно и красиво,
а все же повздорили.
А я все летаю,
парю.
Вот я в руке то у одного,
а то у другого —
источаю свет,
как свеча...

С бурятского

Дондок Улзытуев

СИЛА И ОТВАГА ЧЕЛОВЕКА

В девственно-чистой вселенной,
Все существа живые подвижны,
Родился если человеком, —
Ради людей и живи.

Вселенных звенящих миллионы,
Время отсчитывая, теснятся:
Своей не переступить границы —
Снежинками кружит снег.

Вечного космоса по кругу
Вращения оси не найти.
Солнце, скажешь — но нет:
Солнц таких восемьдесят миллионов.

Собственная твоя вселенная
Сама однажды станет пылью, —
Кружась, подобно веретену,
Канет в вечность.

Из молний огненного вещества,
Изо рта округлого —
С громом родилась вселенная,
С солнцем не вечная вместе.

Нет мысли, нет цвета,
Нет формы, подобной веществу,

В космических лучах
Влекомому плавно.

Человека желание теребит,
Человека устремляет воля.
Дерзкое намерение —
Для брэнного мира великая мощь.

Солнце, Земля и Луна если
Сгинут в конце времен
В космосе звенящем, —
Великая мощь — желание человека.

В далекие-далекие миры
Верные маршруты проложив,
В столь же благодной почве
Взрастят прекрасные розы.

Мощь великая, желание человека,
Многие дали обзрeваешь
Светло-голубого космоса,
Сокровище всех времен!

С татарского

Гульназ Газизова

ПЕРВЫЙ ШАГ

С тишиною будет трое нас.
Светом щелкнешь и потянется
горло змейкою рассвет обнять.
Что так время медлит, тянется.
Мышь летучая, безумная
счастье грызет у парочки;
так судьба стоит, не двигаясь,
смотрит в лупу, ставит галочки.
Так туман обнимет нам виски,
клеткою грудною торкая.
Разорвется тихий занавес —
шорк конфетною оберткою.
Не люблю с рождения сладкого,
но — попутал черт, мне спасу нет! —
босоногие твои шаги
заставляют старый петь паркет.
Ты стоишь, зарей укутанный.
Рву молчанья паутиночку,
новый день пока не видит нас.
— Мне, — скажу — дай половиночку...

* * *

Горькая самая, сладкая грусть —
будто харам, опьянит меня.
В клетке хрустальной губы мои —

дервиш на солнцепеке дня.
Зори вечерние могут пленить,
двое мы — две полосы в одной.
Путь — горизонты спутали нить,
это крылья судьбы за спиной.
Небо разделит отсвета хлыст,
Крылья свои обмакну в вино
... Что остается мне от любви —
капля, хрусталь, самое дно.

Йылдыз Миннуллина

* * *

день как во сне — он диковат и чужд:
тобой проходит вглядов поросль,
тобой летают бабочки из уст,
машины не сбавляют скорость.
огни горят — вот красный, красный свет;
(стоять не двигаться, дыханье!)
но что это: забор, будто скелет,
близ центра городские зданья;
кладбищенский забор, где на крестах
уселись — сколько их — вороны,
стоять не двигаться: на ветках, на шестах
прекрасен мир, пусть похоронный.
идут снега, красиво снег летит
я слёз за ним считать забуду.
ты жив еще? а ну-ка сделай вид
и на худой конец схвати простуду.
ты одинок? но вот тебе окно:
кто там задернул занавеску?
и чья там тень танцует, как в кино,
боится кто движений резких
снаружи? жив ли ты сегодня сам —
и ты, и тот, кто наблюдает?
и почему, слетая к волосам,
к его ресницам снег не тает?
считай! считай! и к каждой из ресниц,
и волосу ты прикоснешься;
и потерявши счет — как стаю птиц —
в своем миру опять проснешься.

С узбекского

Рауф Парфи

* * *

Если я в путь соберусь одинок,
Как без меня проживешь ты здесь?
Утром за низкий выйдя порог,
Чувствуя в воздухе тайную взвесь,

Плача о горькой моей судьбе,
С этой утратою примирайсь,
Думая — может вернусь к тебе —
Взгляд от ворот отвести боясь.

Угомонись. Расставанье — крест,
Если дорога укажет путь,
Знаешь, родная... из дальних мест
Смерть возвращает когда-нибудь...

* * *

Красавица, проснись. Давай уйдем от снов.
Нас будет согревать волнения озноб.
Мы кролем уплывем — горит вокруг вода.
Бежим отсюда прочь — в неважно, в никуда.
За это никуда, за влажный окоем —
Исчезнем, ускользнем, красавица, вдвоем.
Смотри, одна звезда, светлей других огней —
Как огненный цветник... и ничего за ней.
Скажи, и для тебя я стану шах земной.
Твой раб, твой господин. Послушай, ангел мой...

Вафо Файзуллах

ЛАНЬ

Сколько годов мне — потерян счет,
Вспомню глаза — и слеза течет.
Сколь мы различны — спрошу еще —
Лань, о какой по сей день мечтаю.

Мир твой ответил, смеясь как гром,
Сбился с пути я, обманут сном.
Мир мой — ты будешь царицей в нем,
Лань, о какой по сей день мечтаю.

Духом не крепок, стихом не зряч,
Вот я — не нищий, и не богач.
Мальчик еще, но старик. Хоть плачь.
Лань, о какой по сей день мечтаю.

Душу оружием ранив, лечусь,
Шею арканю петлею чувств,
Всю-то я жизнь за тобою мчусь,
Лань, о какой по сей день мечтаю.

Ночью со льдиной полярной схож,
Утром на осень я стал похож,
В Судный ли день тебя встречу? Что ж!
Лань, о какой по сей день мечтаю.

Я не считаю своих потерь,
Бога нашел я сейчас, теперь,
Пеший мой путь к тебе — светел. Верь.
Лань, о какой по сей день мечтаю.

С непальского

Суман Похрел

ВСТРЕЧА С ЖИЗНЬЮ

Жизнь гналась неустанно
за желаньями, сродни миру. Чудом
на него натолкнулся, коротавшего ночь
на берегу Времени. впился в него взглядом провидца.
ущипнул, чтобы разбудить.

Спросил, почему меня бросил. спросил,
отчего нёс он мои мечты, но вот
решил сбежать. Ещё спросил,
отчего вожделевший носиться с мечтами,
пошёл он неизведанным путем.

А он, всё кутаясь в заспанное одеяло,
лежал себе, как бревно,
притворяясь, будто видит седьмой сон.

Тогда я выложил ему такие советы:
никогда не топчи солнечные лучи и не ходи по ним
никогда не носи бурю в руках
никогда не улыбайся, попивая из горячей чашки
никогда не спи в снежной постели
никогда не обнимай воду_ _ _

Тут он резко вскочил на ноги,
одеяло свое подобрал
и умчался в такой спешке,
что с того самого дня — больше я его и не видел.

ПЕРЕД ТЕМ КАК ВЫКЛЮЧИТЬ СВЕТ

Притихшая темнота
Шарит по стенам
Пальцами ветра
И — проникает
В наш дом.

Свет,
Высовываясь из окна,
Близоруко
Всматривается
В темноту.

Скованный нерешительностью
И одержимый страстью,
На этот раз
Я потерял равновесие:
Голова идет кругом,
Я отстраненно всматриваюсь
В эти сонные глаза.

Будто бы не замечая
Беспокойства,
Вызванного силой любви:
Нужно ли мне дописать стих
Или погасить
Свет в комнате?

ИЩУ ТЕБЯ

Хоть раз мне ответь,
где же ты?

Где ты, какую хочу запомнить,
когда приходишь ко мне в памяти?
Где ты, какую хочу коснуться,
когда чувствую прикосновение?
Где ты, какую и хочу любить,
когда кажется, что я полюбил?

Как мне быть?
Построить храм твоей души,
жить в нем, звоня в молитвенный колокол?
Или выстроить монастырь без очертаний
и сидеть в созерцании?
Или возвести невидимый дом любви,
лечь спать внутри него?

Я хочу полюбить то,
что ты назовешь собой.

Если ты не тело —
почему украшаю подмости
перед твои взором?
Зачем сметаю тернии,
с тропы, по которой идешь?
Почему всегда создаю вещи,
каких касаешься, ласкаешь?
Отчего приглушаю грубости,
могущие оскорбить слух твой?

Почему проливаю на цветы аромат?
Для кого губы наполняю сладостью?

Хочу тебя полюбить,
разомкнув круговорот иллюзий,
мир майи, что растет,
кичась собственным тщеславием.

Умоляю, хоть раз,
открой мне глаза;
А если ты
лишь ум, рассудок и душа —
куда мне идти,
если хочу
слиться с тобой?

ПЕРЕД СТАТУЕЙ БУДДЫ ПОД ДОЖДЕМ

Люди
скупились, толпятся
посреди улицы
в настрое праздничном,
напрочь забыв дела и бумажки.

Море людей и зонтики,
море зонтов и люди.

Их головы под покровом зонтов —
будь то Зебунниса, Катерина,
Клеопатра или Фенечка —
каждая знает о себе такое!

В противном случае —
маленькая Темза смешалась бы
с водами Багмати,
а крохотный Нил втекал бы в поток Пикхувы —
нечего и говорить, что Будда был безоружен?
не играл на пианино,
и нет свидетельств,
что он делал снимки.

Скажем, как на духу:
мы восхваляли Ангулималу³,
и, следовательно,
в праве передать мой привет Ампрапали.

В такие минуты
я — ревнитель отчей славы,
смытой сезонными наводнениями;
ни к чему мне абстрактные формы,
прилепившиеся к мифам, истории и преданиям.

И когда дорогу преграждает наводнение —
главное это чтобы не смыло почву,
неважно, что опоздаю
к пункту назначения.

Мне страшно, что поток
сравниет холм,
на котором стою.

³ *Ангулимала*, *Ампрапали* — преступник и куртизанка, оба стали учениками Будды. (прим. пер.)

ХОРАМПА⁴

На вершине и вокруг холма
была целая мела⁵ туманов.

Я не знал, почему туманы
выбрали такое место для мелы —
под террасой из лучей солнца.

Не решился спросить,
почему ветры здесь дуют,
туманы преследуя.

Хотел спросить,
зачем Хорампу строить решили в месте труднодоступном.

Этот вопрос
я также не задал.

Зачем строить свой дом
среди беспокойных холмов,
где жизнь начинается путь,
не ведая чем он закончится;
продолжая шаги свои
к неведомым горизонтам.

А потом обрывается никому неведомая.
Порой попадая под оползень.
Порой обрывается по склону в вечность.

⁴ *Хорампа* — удаленная, нищая деревушка в Бходжпуре, горном районе на востоке Непала.

⁵ *мела* — ярмарка.

Порой ее смывает потоком
до точки невозврата.

Никого я не спросил,
отчего конец жизни — туманный ответ.

Хорампа
просто существует, жизнь ее не иссякла.
В чем тут причина — допытываться не стал.

Тут меня осенило:
вся суть в том,
что в беспокойном ритме жизни —
больше жизни, чем в легкой смерти.

Содержание

ПЕРВОЕ

Мне кажется, стихи это хлеб...»	5
оттолкнись от невесомого...».	6
ЭКЛОГА	7
Как солнце бывшее всегда ...»	8
вот дерево...»	10
Можно устроить быт в мысленном словаре — ...»	12
Мы прошли мужчину с горном,...»	14
Он с письменной вязью говорит,...»	16
хочешь пойдем наверх...»	17
Чубушник — белый сарафан поблек...».	18
Я не грушу о перелеске,...»	19
Смотрящий изнутри невидим...».	20
Когда он рядом, но не хочет...»	22
Взять себя в кулак, разжать...»	23
то ли бабочкой то ли сном...».	24
Он видит нас во сне, Он ложечкой мешает...».	25
Во всей червивости предзимней...»	26
тебе огрызок карандашный ...»	27
Сглатываемая горечь и ругая...»	28
есть подземная река...»	30

ВТОРОЕ

Не бежать от изъяна, ...»	33
На Картину Караваджо «Обращение Савла»	34

откуда эти имена...»	35
Внимательно — так тело и душа...»	36
Я выкрою время, в котором меня не поймут;...»	37
В тишины угольное ушко,...»	38
Жидкий утренний свет...»	39
в Новый год не особенно ною...»	40
если мягок и в дымке огни...»	42
Время бывшее истлело...».	43
И рот кривишь, и свету щуришься,...»	44
понимаешь снег белей хамсина...».	46
О зимних мальчиков снежки,...»	47
Точка приложения сил...».	48
Теснит дыхание	49
это мне наложили шов...»	50
Ибо имя зимы широта —...»	51
Моя любовь к тебе несовременна:...»	52
скрипит задыхаясь мебель...»	53
Связан разве преломлением...».	55
станция моя узловая...»	57
Бог нас нашел на Выходной...».	58
Звонок пролился ртутью дребезжащей.....»	60
Птица с малиновой грудкой серая,...»	62
Снежок, описав дугу,...»	63
когда найдет меня творец...»	64

ТРЕТЬЕ

Интересно — смеясь и меняясь —...»	67
Мелованная белая сойдет...»	68
преступно пробивая бересту...»	70

Стихи, написанные во время карантина	71
Тлен прорастает трава апреля, ...»	78
Дать прикурить и, взмахивая спичкой,...»	79
Она не просто была красива,...»	80

ЧЕТВЕРТОЕ

протяжную влажную белою ночью...»	83
было воздуха больше объема...»	84
Орех и воск, бумага и акрил...»	85
Среди плотной сочной травы,...»	86
Край облака обвил...»	87
синичка малая о сколь же ты смирна...»	89
бархатница на Е...»	90
Напомнит резная шкатулка:...»	91
Маленькая липовая серенада	92
Тонкие губы, ...»	94
Останутся вьетнамки на бетоне,...»	96
Угол	97
Окно	99
На Северо-Запад,...»	100
и все твои труды в полях под ориноко...»	101
АНГЕЛЫ	102
комочек а будет фигура...»	103
Опаздывая, зная наперед...»	104
невероятно жалко не...»	105
выживают фантомною болью...»	107
«В августе пешеход чаще смотрит под ноги...»	108
Русалка	109
найти утешение в ветре...»	110

я говорю о затухании...»	111
Было время без вины —...»	112
Широко, так что видно пороги-...»	113
запахнет одеколоном...»	115
солнце любит издалека...»	117
ты хочешь очистить корзину...»	118
услыхать ли услышать...»	119
МОЙ ЮГО-ЗАПАД	120
УЛИЦА	123

ПЕРЕВОДЫ

С немецкого

Иоганн Вольфганг фон Гёте

Из романа «Годы учения Вильгельма Мейстера»

Арфист	127
Песнь арфиста	127
Гинкго билоба	128
В полночный час	128
Ушел бы я так далеко, далёко,...»	129

Из Райнера Марии Рильке

Осенний день	130
------------------------	-----

С английского

Мэри Элизабет Фрай

Не плачь, не стой у скорбных плит...»	131
---	-----

Джон Эдвард Уильямс

Ода единственной девушке	132
Благословение воздуха	132

С белорусского

Лариса Гениуш

Ковер 136

Людка Сильнова

Шестой вагон 137

Северный ветер 138

Андрей Хаданович

Ласточки 139

Вечер такой хороший,...» 139

Детали 140

Мария Мартысевич

Совместное пребывание 141

Югася Каляда

Я ела снег 143

Сводит на нет тишину без остатка...» 143

По правде сказать, этот город не стоит любви...» 144

Переводы с украинского

Игорь Рымарук

A La Villon 145

Борис Олейник

Лето бабье — над Полтавою...» 147

Василий Голобородько

Сравнения — превращения 148

Плавание в лодке 149

С грузинского

Шота Иаташвили

Ластик 151

С бурятского

Дондок Улзытуев

Сила и отвага человека 155

С татарского

Гульназ Газизова

Первый шаг 157

Горькая самая, сладкая грусть —...» 157

Йылдыз Миннуллина

день как во сне — он диковат и чужд:...» 159

С узбекского

Рауф Парфи

Если я в путь соберусь одинок,...» 160

Красавица, проснись. Давай уйдем от снов,...» 160

Вафо Файзуллах

Лань 161

С непальского

Суман Похрел

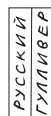
Встреча с жизнью 162

Перед тем как выключить свет 163

Ищу тебя 164

Перед статуей Будды под дождем 165

Хорампа 167

Герман Власов
ВРЕМЕНА ГОДА

Издательский проект
«Русский Гулливер»
russian_gulliver@mail.ru
gulliverus.ru

Поэтическая серия
Руководитель проекта Вадим Месяц

Печатается с сохранением авторской орфографии

Подписано в печать 27.03.2025. Формат 60х90 1/16. Печ. л. 7. Тираж 1000 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета АО «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5. Тел.: 8 (499) 322-38-30

